

МАРИНА
СУРЖЕВСКАЯ



ВЕТЕР
СЕВЕРА



РИВЕРСТЕЙН

16+

Марина Суржевская
Ветер Севера. Риверстейн

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Суржевская М.

Ветер Севера. Риверстейн / М. Суржевская — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Я выросла в заснеженном Северном Королевстве, в суровом замке Риверстейн. В приюте для девочек-сирот. Я не знаю, кто я и как оказалась у стен этой страшной крепости, окруженной вековыми соснами. Мне предстоит стать послушницей Ордена, а после посвящения – его просветительницей... Но вся моя жизнь лишь иллюзия. И однажды я услышала Зов. Проклятие нашего мира, Зов, что манит меня в Черные Земли. Но таков ли мир, как говорят наставницы? И так ли лживы легенды, что рассказывают о демонах и магах? А самое главное – какую страшную тайну скрывает мрачная громада Риверстейн?

© Суржевская М., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

ЧАСТЬ 1	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	45
Глава 8	54
Глава 9	62
Конец ознакомительного фрагмента.	69

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Раньше я ненавидела утро. Эти ужасные рассветные часы, когда меня выдирают из сна, и я сваливаюсь с кровати, нелепо потряхивая головой и зябко переступая босыми ногами. Когда мысли ворочаются медленно, вяло, а глаза подслеповато шурятся, не желая обозреть убогую реальность.

Под утро мне всегда снились потрясающие картины. Живые и яркие, наполненные сказочными красками и тихим ощущением счастья. Мне грезились кленовые листья, пронизанные солнечным светом, танцующие чарующий танец осени на дрожащем серебряном ветру. Осенние цветы благоухали сладко и терпко, а ледяная колодезная вода обжигала мои смеющиеся губы.

Я никогда не видела в своих снах людей, но я была в них счастлива. Только это было раньше. До того, как мои ночи превратились в кошмары.

После бессонной ночи голова нещадно болела, а руки дрожали. Моим единственным желанием было – подоткнуть под живот одеяло и хоть немножко поспать, но кто мне позволит?

Гарпия возникла на пороге спальни еще до того, как зазвенел на башне колокол, и тут же злобно оглядела наши сонные лица и нечесанные головы. Конечно, кроме меня, все еще в постелях, тихо посапывают и досматривают самые сладкие утренние сны.

– Подъем!!!

Это ужасное, ненавистное всем приютом слово Гарпия орала каждый день со вкусом и наслаждением, отчего мы ненавидели ее еще больше. Лично я вообще не понимаю тех, кто способен без проблем просыпаться на заре, да еще и радостно улыбаться при этом. Гарпия не улыбалась. Не думаю, что она в курсе, что существует такая мимическая нелепица, как улыбка.

– Подъем!!! Встать! Живо! Мерзавки ленивые!

Голос у Гарпии противный, высокий, на одной ноте – когда она так орет, у меня уши закладывает. От ее возгласов и мертвый поднимется, мы же, хоть и сомневались порой, но все еще причисляли себя к живым.

Убедившись, что девчонки худо-бедно вылезли из-под одеял и нестройно потянулись в комнату омовений, Гарпия вышла. Через минуту ее вопли раздались и в конце коридора.

– Не пойду умываться, – хмуро сообщила Ксенька. – Холодина какая! Брр...

Я молча застегивала негнушимися пальцами холщовую рубашку. К холоду мы привыкли: отапливали у нас плохо, дрова сэкономили. Сейчас еще терпимо, хоть пол и ледяной, а вот зимой станет совсем туго. В прошлом году мы завешивали окна кожухами, затыкали щели сеном и тряпками, а все равно к утру все промерзло, задубевшие тулупы отдирали вместе с наледью. А ведь в них еще надо было после этого ходить.

Мое место у окна, которое Ксенька с трудом отвоевала у воспитанниц в жару, к зиме станет столь же привлекательным, как промерзший скит отшельника, желающих занять его найдется мало.

Правда, к зиме меня здесь уже не будет.

Тоска накатила снова, я сжала виски.

– Ты чего бледная такая? Краше в яму упокоения кладут, – Ксенька нещадно драла гребнем свои рыжие кудри, потом плюнула и закрутила на макушке тугой пучок. – Опять не спала, что ли?

– Спала, – буркнула я. – Голова болит.

– Ну-ну, – подруга посмотрела косо, – часто она у тебя болит! Сходила бы ты к травнице, Ветряна, смотреть на тебя страшно!

– Вот и не смотри, – я отвернулась, мазнула взглядом по своему отражению в темном окне. Да уж, правда, смотреть страшно. Бледное осунувшееся лицо с заострившимися от худобы чертами, темные от недосыпа и усталости круги под глазами, белые пакли волос, синюшно бледные губы. Красота!

Ксенька уловила мою гримасу.

– Ветряна, я серьезно! Сходи к травнице, пусть она тебе снадобий наварит! Ты на привидение похожа! И не ври, что спала, вижу, что глаза слипаются! Надо с твоей бессонницей что-то делать! Доведешь же себя... И кричала опять. Сходи к Данине! А не то я сама схожу, слышишь? Наберу у нее сонных капель и вылью тебе в травник! Хоть выпишься!

Я вздрогнула. С Ксеньки станется, она решительная. И не объяснишь ведь, что нельзя мне спать! Никак нельзя...

Я через силу улыбнулась и сказала как можно беззаботнее:

– Схожу, Ксения, схожу! Обещаю! Вот после построения и отправлюсь. Одевайся скорее, а то опоздаем на пробежку и Гарпия с нас три шкуры спустит! Опять будем вместо двух кругов пять бегать. Или без завтрака оставит, что еще хуже!

Мысль о завтраке заставила нас проглотить голодную слюну, в кратчайшие сроки одеться и выбежать на улицу.

И то чуть не опоздали, Гарпия вышла во двор мгновением позже нас. Посмотрела недовольно. Больше от того, что мы все же успели и лишили ее такой сладостной возможности нас наказать. Наказывать она любила, особенно меня почему-то. Уж не знаю, чем я ей так не угодила... Дебоширкой и забиякой я не была, училась сносно, любимое развлечение – посидеть в углу, уткнувшись носом в старый фолиант. Но почему-то именно от вида моей тощей фигуры у Гарпии особенно сильно перекашивалось лицо, и она наливалась лютой злобой.

Поэтому по мере сил на глаза ей я старалась не попадаться.

– Построились! Бегом! Три круга! Шевелитесь, шаромыги обморочные! Живее!

Мы грустно потрусили по кругу, я затесалась в середину, стараясь не выбиваться из строя. Плестись в хвосте чревато, Гарпия красноречиво похлопывала хлыстом по голенищу сапог, и я не сомневалась, что если окажусь в конце, она использует его по назначению. А ощутить жало хлыста на своей шкуре мне что-то не хотелось.

Морозный воздух царапал горло, драл легкие, но я была ему благодарна. Он хоть немного прогонял из головы обморочную ночную тьму, от которой заходило в ужасе нутро. Мысли ворочались в голове тяжело, как толстый склизкий червяк в склянке. Как я ни старалась, ничего дельного на ум не приходило. А подумать бы надо. Трезво и здраво взвесить ситуацию, найти решение.

Хотя какое тут решение: кроме паники и тошноты, бульканьем подступающей к горлу, ни о чем думать не удавалось. И посоветоваться не с кем. Даже Ксеньке не рассказать – испугается, шарахнется, тогда совсем худо станет.

Но что делать? Что же мне делать? Ведь не выдержу, засну, и тогда это повторится! А не спать не смогу, устала так, что еле ноги переставляю. А ведь еще только утро! Девчонки бегут ладно и сильно, взбодрились на утреннем холодке. Разрумянились, глаза блестят!

А я уже на первом круге хриплю, как загнанная лошадь!

Поспать бы... Хорошо так, по-настоящему, а не тревожными урывками, как сплю я уже три месяца. Свернуться бы на теплом топчане, под пушистым одеялом, и спать, спать, спать... Долго-долго и сладко-сладко. Без тоски, сжимающей горло, без страха, без Зова.

Икры обожгло болью, и я вынырнула из мутной, затягивающей меня дремоты. Все-таки я отстала, оказалась в хвосте, чем Гарпия и воспользовалась с радостью. Я мельком увидела замаха, и снова ноги вспыхнули от удара хлыста.

Даже зимой мы бегали в ботинках и коротких штанах, по колено. Сверху – рубахи и старые меховые безрукавки, на головах платки. Но ноги почти голые, прикрытые только грубыми суконными чулками. И получать по ним хлыстом было очень и очень болезненно. Тем более получать по еще не зажившим и даже толком не затянувшимся вчерашним ранам. И позавчерашним. Да что там говорить, последнее время получала я по своим несчастным ногам постоянно. К тому же Гарпия вымачивала свой хлыст в соляном растворе...

Я заскулила, зная, что нельзя. Это правило! Плакать у нас запрещалось. Наказания нужно было принимать стоически и смиренно, еще желательно с благодарностью. Но сегодня мне это решительно не удавалось. Не было во мне благодарности ни на медяк! Затянувшиеся коркой старые раны полопались, теплая кровь полилась в ботинки, и вместо благодарности я испытала лишь прилив ненависти!

– Не ныть! – радостно заорала Гарпия, и снова мои ноги обвил хлыст. Боль, кажется, обожгла все нутро, я клацнула зубами, чуть не откусив язык, и, не устояв на подкосившихся ногах, рухнула лицом на дорожку. Из носа закапала кровь, и я равнодушно вытерла ее рукавом.

– Встать! Кому сказала! Бегом! Еще круг!

Я, шатаясь, встала на четвереньки, кое-как поднялась. Ладони ободраны, нос разбит, ноги болят нестерпимо. И это только начало дня!

– Бегооооооооо!!!

Гарпия с вытаращенными глазами снова замахнулась. Этого удара я уже почти не почувствовала... Шатаясь, заковыляла по дорожке. Бегом это, конечно, трудно назвать, но хоть так. У меня появились серьезные опасения, что если упаду снова, Гарпия оторвется на мне по полной. Послушницы уже закончили пробежку, я уловила несколько сочувственных взглядов. Правда, тайком, никто не хотел разделить мою участь. Я, хрипя и пошатываясь, волочилась по дорожке, из носа капало, и я вытирала его рукавом, оставляя на ткани красную полоску.

Еще и стирать придется. А на холоде сохнет долго... Это плохо. Или так пойти на занятия?

Нет, нельзя. Мне предстоит урок святопочитания и смирения у арея Аристарха, он хоть и не Гарпия, но гад еще тот.. Лучше в мокрой пойду!

Я сосредоточенно переставляла ноги. Ворота маячили где-то вдалеке и, кажется, совсем не приближались. Эх, не доползу...

Надо подумать о чем-нибудь, что отвлечет меня от боли в ногах, от душящих слез и бесконечной усталости.

В голову опять полезло видение удобного топчана с теплым пушистым покрывалом... Мягким-мягким, теплым-теплым... Надо встряхнуться.

«Ветер крылышки мне дарит, в спинку ласково толкает... Укрывает, закрывает, помогает, помогает... – забормотала я себе под нос детскую песенку. – Снег пушистый все укроет, успокоит... успокоит...»

А как там дальше? Забыла!

Ох! За детской считалочкой даже не заметила, как доплелась до ворот! Гарпия смотрела дикими глазами, не ожидала, видимо, такой живучести от меня – ходячего трупа, даже хлыст выронила. И медленно, словно через силу, мне кивнула, отпуская.

У меня от радости даже силы появились, и я почти бегом припустила к приюту.

Уже входя в здание, обернулась. Гарпия все так же стояла посреди двора и смотрела мне вслед. От ее взгляда даже на расстоянии у меня мороз пошел по коже – ох, не к добру. Вокруг нее медленно кружились и оседали снежинки. Надо же, а я и не заметила, когда снег пошел.

Первый в этом году.

Завтрак я пропустила. Пока плелась дополнительный круг, пока судорожно застирывала рукав рубашки, промывала и заматывала тряпицами икры – завтрак закончился.

В животе бурчало уже, кажется, на весь приют, так есть хотелось. Но когда я ворвалась в трапезную, дневальщицы уже отодвигали лавки и мели вениками под столами.

От голода я чуть не завyla.

Кухарка Авдотья осторожно поманила меня пальцем в закуток.

– Ветряна, опять получила? – тихо спросила она. Я понуро кивнула. Понятное дело, кто ж по доброй воле завтрак пропустит? Кухарка жалостливо покачала головой. Из всех наших «попечителей» жалели нас только она, да еще травница Данина.

Правда, толку от этой жалости было мало, жалеть и привечать послушниц было строжайше запрещено. И кухарка, и травница – бабы местные, деревенские. Жили в деревеньке бедно, а здесь, в приюте, они зарабатывали хоть какую-то медяшку и потому ссориться с наставницами им совсем не хотелось, а то живо прогонят.

А Авдотья еще и бездомная, сгорела ее изба в пожаре два года назад, а новую поставить безмужней кухарке никто не захотел. Да и некому особо, в деревеньке одни старики да бесхозные женщины и остались. Потому и бабская жалость их выражалась лишь в печальных вздохах и горестных взглядах на нас – горемык.

– Опять отхлестала?

Я поморщилась и кивнула. Ноги под тряпицами ныли и кровоточили, благо хоть под коричневыми балахонами, которые мы носили, не видно. Но хромала я заметно, и нос опух.

– Ох, бедняжка, за что ж на тебя наша Гар... ох... мистрис Карислава так взъелась!

Я хихикнула. Ну да, Гарпия – это за глаза, конечно, а так-то – мистрис Карислава! Что б ее!

Авдотья тоже хихикнула, от глаз ее разбежались лучики морщинок, и я залюбовалась ее добродушным, круглым лицом с румянцем и веснушками.

Она же мое осмотрела с грустной улыбкой.

– Какая ты худющая, Ветряна, ужась... Болезненная, тощая... А с носом-то что, горюшко? Упала?

– Ага, – я беззаботно повела плечом, жадно принюхиваясь к запахам трапезной. Каша сегодня, похоже, была кукурузная. Обычно у Авдотьи она получалась чуть подгорелой и жидковатой, но вкусной.

В горле что-то булькнуло.

Авдотья покосилась на дневальщиц, те сосредоточено скребли пол вениками.

– Вот, возьми, – в карман моего балахона из передника кухарки перекочевали кусок хлеба с подсохшим сыром и румяное яблоко. Я сглотнула и от счастья еле сдержалась, чтобы не расцеловать ее.

– Тихо ты, – чуть улыбнулась Авдотья, – не шуми. Иди, скоро занятия начнутся. Опоздаешь, опять тебе влетит.

– Авдотьюшка!! Спасибо! Вот чтоб тебе замуж выйти! За... – я задумалась, кого бы такого хорошего пожелать. Все-таки мои познания о женихах были весьма скудны. Да и откуда им взяться – познаниям, кроме противного арея Аристарха послушницы и мужчин-то не видели. Так, заезжал раз в полгода ректор, толстый, вальяжный мужик, на которого мы смотреть боялись, да порой заглядывали вестники. Ну и деревенские, пропахшие потом забулдыги, помогали в приюте по хозяйству, вот и весь наш опыт.

– За богатого! – неуверенно выдохнула я. – И красивого!

Авдотья рассмеялась.

– Ох, бездоля ты, бездоля! Какой богатый – красивый? В нашей глухомани-то? Тут кривых да убогих расхватили, а ты говоришь! И кто на старицу позарится, когда молодки безмужние сидят? Эх, выдумщица ты, Ветряна! – Авдотья пригладила передник и лукаво улыбнулась: – Да и на кого ж я вас брошу, глупых? Давай уже, беги.

Я кивнула и выскочила в коридор, на ходу засовывая в рот хлеб с сыром. Вкусно-то как!

Занятия я отсидела еле-еле. Постоянно клевала носом, клонило в сон. От недосыпа даже чувство голода притупилось. Тем более что помимо подарка Авдотьи и Ксения обо мне позаботилась – притащила с утренней трапезы постную коврижку с кислой брусникой. Я половину вернула, зная, какая подружка сластена, и как редко нам перепадают такие вкусности.

Довольные, мы схрумкали лакомство, поделили мое яблочко, и запили все ледяной водой из настенного фонтанчика.

Аристарх нудно бубнил что-то про грехи и искупления, я честно старалась не уснуть. Ксенька пару раз тыкала мне в бок пером, и я вздрагивала, бессмысленно тараща глаза на учителя.

Зато мой жуткий вид пронял даже Аристарха, и меня он сегодня не трогал, только косился неприязненно. Хотя он просто косоглазый, так что косил, может, и не на меня, а на подругу. Поэтому старательно тарасились мы обе.

После скудного обеда из пустых щей и ржаной краюшки нас, наконец, отпустили на подготовку. Девчонки уселись учить писания святых, я же без сил свернулась на кровати. За окошком было серо, снег прекратился, и небо затянула привычная осенняя хмурь.

Глухим отголоском всплыло воспоминание о совсем другой осени: мягкой, переливчатой, бронзово-золотой, с яркими всполохами падающих кленовых листьев, пронзительной синевой неба и острыми, пряными запахами прелой травы. И счастье, беззаботное, спокойное, уверенное счастье, словно еще один запах, такой же естественный и понятный, такой же необходимый...

Когда это было? И было ли вообще? Или снова моя голова выдает желаемое за действительное, странную мешанину из снов и фантазий? Но как радостно окунаться в эти сны!

Здесь, в приграничье, я такой осени не видела. Может, потому что здесь не было кленов? Только ели. Огромные, стоящие плотной стеной, как суровые колючие стражи, протыкающие острыми макушками хмурое небо.

После холодного лета здесь как-то разом наступала осенняя хмурь, без перехода и подготовки. Беспросветно затягивало тучами небо, и нудный, монотонный дождь выливался на землю грязными, серо-желтыми потоками. В один день развозило дороги, превращая утоптанную колею в глинистое, скользкое и непроходимое месиво, и мы грустно вздыхали: осень.

Поистине, не найти лучшего места для воспитания смирения и долготерпимости!

Я вздохнула, стараясь не упираться опухшим носом в жесткую подушку.

И уснула, как в яму провалилась.

Глава 2

– Не трогайте меня! Отстаньте! Я не хочуууу!!!

– Ветряна! Да проснись же!

Я вскочила на кровати, поскуливая и бессмысленно размахивая руками. Кажется, попала даже. Рогнеда терла покрасневшую скулу и поглядывала на меня недобро.

– Что случилось? – заикаясь, спросила я.

– Что, что? – Рогнеда демонстративно скривилась. – Орала ты опять, как полоумная! Хотя почему как, сдвинутая и есть! Достала вопить. Еще и руками размахиваешь, как мельница, вот смотри! А я помочь хотела!

– Извини, – я свесила ноги с кровати, обвела взглядом испуганных девчонок, – мне кошмар приснился.

– Опять! – Рогнеда презрительно всплеснула руками. – Достала ты всех своими кошмарами, малохольная! Достала, понимаешь? По ночам орешь, так теперь еще и днем. И руками зачем размахивать? Драться зачем? Вот так и помогай людям...

– Да заглохни ты, – прикрикнула Ксенька, и Рогнеда замолчала. Ксения сильная, может и в глаз дать, не постесняется, мне с ней повезло. Рогнеда отошла и стала, сварливо ворча, растирать синяк. Но предусмотрительно подальше от нас.

Остальные тоже разошлись по своим койкам, кто читать, кто учить. Я подтянула колени к груди, тоскливо свернувшись в клубочек и стараясь не смотреть на подругу.

– Ветряна... Ты можешь мне рассказать?

Я помогала головой, не поднимая глаз.

– Я не помню, Ксения. Не помню, что снилось. Прости.

Подружка не поверила и вздохнула.

– Захочешь – расскажешь. Просто я беспокоюсь за тебя, – снова вздох. – Ты стала странная...

Я усмехнулась.

– Стала? Вот не припомню, когда это я не была странной!

– Ну, это да, – Ксения криво улыбнулась и сказала еще тише: – Но сейчас особенно, Ветряна. Ты не спишь по ночам, я несколько раз видела, как ты стоишь у окна, смотришь. И мне страшно делается. И эти кошмары твои постоянно. Что тебе снится? Почему ты не попросишь у Данины успокоительных капель? Чего ты боишься, Ветряна?

Я молчала. Ксенька склонила голову к самому моему уху.

– Это... то самое? – выдохнула она почти неслышно. – Ветряна, это... Зов?

Я судорожно задышала в подушку, пахнущую плесенью и сыростью.

– Нет! – получилось резче, чем хотелось, громче, чем надо, и я испугалась. Девочки подняли головы, удивлено на нас посмотрели. Я выдавила улыбку и уставилась подруге в глаза. – Нет, – уже спокойнее сказала я. – Что ты такое говоришь? Это просто кошмары. И потом сейчас день!

Ксения медленно кивнула. Да, день. Все знают, что Зов слышен только по ночам.

Я снова улыбнулась, скосила глаза, как в детстве. Ксенька всегда от этого смеялась, словно сумасшедшая. И сейчас улыбнулась. Неуверенно, криво, но все же.

– Ксень, это просто кошмары, – уже серьезно сказала я. – Побегай от хлыста Гарпии – и не такое приснится!

– Да уж, досталось тебе сегодня, – подруга сочувственно заохала. Она бегала хорошо и почти никогда не попадала под хлыст.

– Еще и носом ударилась, больно, между прочим!

Подружка у меня жалостливая, сразу начала охать и советы давать, как нос разбитый лечить. Ей, драчунье, виднее – не раз прилетало. И забыла про опасную тему. Ну, или сделала вид. Я старательно кивала, слушая ее наставления и стараясь не разреветься. Но в глазах щипало, перехватывало дыхание, и я, испугавшись, что не сдержусь, бодро спрыгнула с кровати. И охнула: так больно разбитым ногам стало.

Слезы тут же хлынули из глаз. Ксения подхватила меня под локоть, придержала и бесцеремонно задрала мою юбку.

– Ох, ты ж, жопа дохлого мерина! – выругалась благочестивая послушница. И откуда она это берет? Рогнеда посмотрела осуждающе, остальные захихикали.

– Пойду к Данине, – шмыгнула я носом, – мазь попрошу.

И поковыляла в коридор, поскорее, чтобы Ксенька со мной не увязалась. Сейчас мне было просто жизненно необходимо побыть одной.

В коридорах приюта глухо, пустынно и темно. На улице только вечерет, но здесь, в каменных коридорах с одним маленьким окошком – бойницей в конце, уже сгустился настоящий ночной мрак. Свечи, как всегда, экономят и в коридоре темно, а с собой из комнаты я не взяла.

Ничего, темнота меня не пугала. Чего бояться? Я прожила здесь всю свою жизнь и знала каждый закуток старого здания.

Лет пятьдесят назад в этих краях проходили торговые пути, и местная деревенька под названием Вересковая Пустошь была крепким и богатым поселением, с ежегодной ярмаркой и еженедельными рыночными днями. Селяне держали скотину, возделывали поля, караваны проходящих торговых обозов пополнялись продуктами местных мастеров, жизнь кипела.

И здание нашего приюта тогда принадлежало лорду. В хрониках сохранились истории об устраиваемых им охотах и балах, на которые приезжали высокородные гости из соседнего городка Зареченска и даже из самой столицы.

Потом торговый путь захирел, купцы Пустошь стали объезжать, уж не знаю почему. Может, разбойники лихачили, или, может, торговцы более удобные пути нашли. И лорд переехал в столицу со всей своей свитой, прислугой, лошадьми и охотничьими собаками.

Деревенские, особенно молодежь, тоже потянулись из родных мест в чужие края, кто на заработки, кто за женихом или невестой.

А замок остался. Суровый, из темного камня, увенчанный конической крышей и башенками, с центральным зданием и двумя крыльями, хмуро возвышающийся над притихшей деревенькой. И название у него было столь же мрачное и надменное: Риверстейн.

Еще с десятков лет Риверстейн пустовал, старый привратник, оставленный лордом для пригляда за барским имуществом, тихо скончался, здание обветшало. Деревенские сюда не совались, боялись неупокоенных духов и вурдалаков, которые, якобы, обитали в замке и куражились по ночам.

А потом в чью-то «светлую» голову пришла мысль организовать в нем приют для девочек и готовить из них послушниц под патронажем Ордена Пресветлой Матери – Прародительницы. Злые языки поговаривали, что таким образом отправили в ссылку опального в ту пору служителя сего Ордена.

Все это я вычитала в столь любимых мной фолиантах, над которыми могла сидеть часами, за что Ксенька меня часто ругала. Подруга книги не любила, предпочитала проводить свободное время активно и весело: таскать кислые яблоки с деревенских огородов или, напялив серую простыню на голову, пугать в коридорах послушниц.

Я улыбнулась, вспомнив детские забавы. Все уголки нашего приюта уже тогда были излазаны мной и неугомонной Ксенькой вдоль и поперек. Так что темных коридоров я совсем не боялась, и без лампы шла спокойно.

И когда впереди замерцал одинокий огонек свечи, я привычно спряталась в нишу за старой портьерой. Уж не знаю, для чего эта ниша предназначалась во времена лорда, но мы регулярно в ней прятались от наставниц.

– ...Я пока в своем уме и уверена в том, что говорю, – неприязненный шепот Гарпии заставил меня вздрогнуть. Я осторожно заглянула в одну из прорех старого гобелена. Так и есть, мистрис Карислава, а с ней наша преподавательница по арифметике и числосложению мистрис Божена. Я вознесла быструю благодарственную молитву Пречистой Матери за то, что вышла из комнаты без лампы. Дрожащий одинокий огонек две старые перечницы уж точно заметили бы издали, и так удачно избежать встречи мне бы не удалось. А зная «любовь» Гарпии ко мне... брр. Встретаться с ней в узком коридоре мне не хотелось.

Я затаилась за ветхой тканью, молясь, чтобы меня не заметили.

На стене коридора дрожали две тени преподавательниц: узкий и тонкий, как стрела, силуэт Божены и коренастый, грушевидный – Гарпии.

– Божена, я знаю, что говорю! Эта девка меченная, я с самого начала это поняла! Выродок, греховный приبلуд, монстр! Я всегда это знала, чуяла, а сегодня убедилась!

– Карислава, твоя ненависть к этой послушнице запредельна, – усмехнулась мистрис Божена. – Право, это переходит уже все границы. В конце концов, скоро ее пребывание здесь закончится, ты же знаешь.

Я перестала дышать. О, Великая Мать! Неужели они говорят обо мне? Если меня заметят...

Преподавательницы остановились в двух шагах от меня. Я боялась смотреть в прореху, вдруг Гарпия своим чудовищным нюхом учует меня или почувствует мой взгляд?

Или свет свечи спляшет на моих белых волосах, и это привлечет их внимание. О Боги. ... Все-таки гобелен старючий, и прорех на нем достаточно. Ну почему я не повязала платок?

Сильный шепот Гарпии, привыкшей на своих подопечных орать, снова пробрал меня морозом по хребту.

– Закончится... хе—хе... Как бы наше пребывание здесь не закончилось! Говорю же, девка меченная! И не смотри на меня так! Я... видела...

– Карислава, ну что ты видела? Я тоже видела, как ты лупила сегодня девчонку. Право, тебе стоит быть осторожнее. Лорду это не понравится, ты же читала указ. Нам не стоит так рьяно... учить воспитанниц послушанию.

– Глупые новые указы. Только так можно выбить из их дурных голов ненужные мысли. Это какие ж, интересно?

– Но я видела... видела, Божена...

– Да что же? – мистрис Божена раздраженно поправила волосы. Я еще плотнее впечаталась в стену, спина уже ощутимо ныла от неудобной позы.

Гарпия попытала, словно не решаясь озвучить мысль.

– Девка... она... летела!

Летела??? Великая мать, Гарпия сошла с ума! Вот радость-то!

Мистрис Божена, похоже, пришла к такому же выводу.

– Карислава, тебе надо отдохнуть, – с чувством сказала она, – ты перетрудилась.

Ага, перетрудилась. Да ее в телегу запрягать можно вместо нашей старой кобылы и поле пахать. И кнутом по бокам отхаживать хорошенько, чтоб неповадно было!

Мне так понравилась представшая перед мысленным взором картина, что я чуть не хихикнула. Но вовремя опомнилась и крепко стиснула зубы.

– Ты не понимаешь! – Гарпия перешла на злобный шепот, похожий на шипение разбуженной гадюки. – Не понимаешь, я видела! Девка плелась по двору, как дохлая улитка, а потом вокруг нее закружил снежный ветер, и она полетела! Прямо до ворот долетела! Как на крыльях! Мерзавка!

Божена решительно шагнула вперед.

– Карислава, тебе показалось. Сегодня выпал первый снег, и в снежном тумане тебе все просто привиделось, пойми же! И на твоём месте я не распространялась бы об этих... фантазиях. Это звучит весьма странно, согласишься.

Я мысленно застонала. Звучит это странно, только за дурные фантазии Гарпии расплавиваться снова придется мне!

– И потом, ты просто встревожена, я понимаю. Мы все встревожены... – голос преподавательницы удалялся, свет свечи поплыл по коридору, и мне пришлось напрячься, чтобы услышать продолжение.

– Эти странные исчезновения девочек... все так пугающе. Пришлось написать в Старовер о разбушевавшейся гнили, пусть придержат вестников, нам тут лишние глаза ни к чему. Но все же, за одну луну мы не досчитались шестерых. И из Пустоши доходят совсем уж дикие байки, и у них пропадают дети. Понятно, деревенский люд темный, но все же, все же... Чует мое сердце – не к добру.

– Брось, девчонки и раньше пропадали, – хмуро отозвалась Гарпия, – не впервой. Небось, волки утащили дурех, нечего за ограду лезть. Дикий край, дикий. А Староверу и так дела до нас нет, зря опасаетесь...

Голоса окончательно затихли за углом коридора.

Я осторожно отлепилась от стены и перевела дыхание. Кажется, я и впрямь не дышала! Спина ныла, ноги болели. И тряпицы промокли от крови, надо сменить. Я беспокойно провела ладонью по каменному полу. Не хватало еще оставить кровавый след, тогда уж проще написать тут аршинными буквами: здесь стояла и подслушивала Ветряна Белогорская. Как раз в качестве прощальной надписи на надгробие сойдет!

Но ничего, камни холодные и сухие. Утром на всякий случай приду, проверю со свечкой.

Все еще таясь и вздрагивая, я двинулась по коридору в противоположную от удалившихся преподавательниц сторону.

До травницы я добралась без происшествий, никого больше не встретив. Честно пыталась по дороге обдумать услышанное, но в голове было пусто и гулко, как в каменных коридорах приюта. Так, потряхивая головой, я и дошла до каморки Данины.

Травница, сухонькая, засушенная, как ее травки, стояла в углу комнатухи и отчетливо хлопала носом, прижимая к глазам пальцы, желто-коричневые от вьёвшегося в них сока растений. От моих шагов она вздрогнула, торопливо провела по лицу кончиком головного платка, посмотрела на меня испуганно.

– Ох, Ветряна, это ты... А мне тут в глаз что-то попало.

И засуетилась, бестолково переставляя глиняные ступки на полках.

Я успокаивающе улыбнулась.

– Данина, мне бы мазь какую-нибудь.

– Ох, бедолага, опять под хлыст попала? Лютует мистрис Карислава, лютует! Да ты ложись, деточка, на кушетку, ложись. Вот так. Ох, ты ж, Пресветлая Мать, что ж делается-то? Совсем тебя, бедняжку, исполосовали, места живого же нет! Это что ж делается? Ведь девка же, не страдник вольховский, а вот же...

Причитая, Данина уложила меня на кушетку, размотала присохшие к ногам тряпицы и стала осторожно промывать мне раны.

– И не заживает совсем! Тебе полежать бы недельку – другую, да под хлыст не попадать.

Я почти весело рассмеялась. Полежать недельку – это Данина хорошо придумала! Только кто ж мне позволит? Отдыхать на узкой кушетке было так хорошо, что я почти не морщилась, когда травница стала мазать мне ноги чем-то густым и вонючим.

– Вот так, девочка, вот так... Полегче-то будет. Эх, Ветряна, бедолажная ты! Вот подружка твоя, Ксения, до чего ладная! И крепкая, как лошадка, и резвая, как коза! А ты ж чего такая доходяжная-то? Одуванчик горный, дунь – разлетишься, глянть – подломишься. Хотя все вы тут... горюны—горюшы, сиротинушки... Эх, долюшка!

Под уютное ее бормотание я закрыла глаза. Снова невыносимо потянуло в сон, но я заставила себя встряхнуться, села, поправляя юбку. Старая кушетка натужно заскрипела.

Я любила бывать в каморке Данины. В маленьком помещении было куда уютнее наших спален. Здесь остро пахло корешками и травами, пучки которых висели под потолком на деревянных балках. На грубо сколоченном столе глиняные и каменные ступки, шлифовальные круги, мотки чистых тряпиц и склянки с настойками. В углу резной, добротный шкаф, на кривых ножках и с большим навесным замком.

В детстве каморка Данины казалась нам волшебным местом, а сама травница – чаровницей. Находились даже те, кто утверждал, что она ни много, ни мало – фея, и под коричневым линялым кожухом прячет настоящие слюдяные крылышки. А ее шкаф был для нас хранилищем невероятных тайн и чудес. Мы наперебой придумывали, что если бы довелось в него заглянуть, мы нашли бы там дверь в сказочную Варению или сундук с драгоценностями, или, на худой конец, – рог единорога, который, всем известно, раз и навсегда делает своего обладателя счастливым.

Ночью, сбившись в кучку и укрывшись одеялами, мы шепотом, чтобы не услышала Гарпия, строили предположения одно другого чудеснее и нелепее по поводу содержимого волшебного шкафа. Ксения традиционно настаивала на сокровищах и с упоением мечтала, на что потратит несметные богатства, когда удастся ими завладеть. Правда, в основном получалось у нее, что она накупит много булок, сладких пирожков с кленовым сиропом и засахаренных ягод. Ну и ботинки новые. И пуховое одеяло. Хотя нет, одеяло нельзя – отберут. Так что дальше вкусятин фантазия практичной подруги не распространялась.

Я же грезилась о тайной дверце, за которой начинается сказочная страна Варения, где живут волшебные существа – единороги и драконы, где всегда лето и есть маленький домик, в котором меня ждут...

Таинственный шкаф занимал наши мысли вплоть до того дня, когда мы в очередной раз с разбитыми коленками приковыляли к травнице и не застали ее на месте.

Зато застали шкаф и, о чудо, большой ржавый замок на нем висел, лишь цепляясь своим крюком за одно из полуколец. Шкаф был открыт!

С благоговением, которое так и не смог вбить в нас Аристарх по отношению к святым старцам Ордена, и любопытством, которое кошкам и не снилось, мы потянули на себя дверцу, приседая в ужасе от натужного скрипа и...

И ничего. Ничего в том шкафу интересного, конечно же, не было. Были чуть пыльные полки, заставленные пустыми и полными склянками, мотки бечевки, ивовая корзина с шишками, желудями и ветками, тряпицы, старые чесаные унты, в которых Данина ходила зимой, а также початая и тщательно заткнутая свернутой тряпкой бутылка кислого деревенского вина.

Еще год мы с Ксеньей переживали жестокое разочарование и даже чувствовали себя обманутыми, словно Данина специально заколдовала шкаф и оставила его открытым!

Я улыбнулась, вспомнив все это. Травница, уставшая пожилая женщина, проворно смазывала грязные тряпицы и кидала их в ведро для кипячения. Только глупые приютские девочки могли возомнить ее феей.

– Данина, я еще хотела попросить у тебя какую-нибудь настойку для бодрости. Понимаешь, выпускной год, задают много, а меня в сон клонит. На погоду, наверное. Может, есть что-нибудь? Такое, чтобы спать... не хотелось?

– Ветряна, деточка, да куда ж тебе не спать? – Данина, как квочка крыльями, всплеснула руками. – И так одни глаза остались, в чем только душа держится?

Я пожалала плечами, просительно глядя на травницу.

– Ладно, сделаю, – проворчала та, – ух эти послушницы, все учать и учать... А чего учать? Непонятно.

Она сноровисто расставила на столе плоски с травками и принялась смешивать их в ступе, продолжая ворчать.

– Учать и учать, сколько можно-то? Прямо как Данилка мой, тоже все над книжками сидит, в знахари решил податься. Лучше б к кожевнику в подмастерья пошел, всегда медяшка в руках будет! Так нет же, уперся, в знахари! И не спит ночами, все над лечебниками своими сидит! Сделаю настойку, как для него, бодрю!

Упоминание сына Данилки словно высветлило изнутри коричневое, сухое лицо травницы, и оно помолодело, разгладилось. И в ворчливой ее ругани все же сквозила гордость за мальчишку, вот мол какой – решил и сделает!

Я вспомнила вихрастого белобрысого Данилу, совсем не похожего на свою смуглую мать. Был он нашим ровесником и раньше крутился в Риверстейне, помогая матери таскать тяжелые ивовые корзины с травами и шишками или измельчая в каменных ступках ветки. Нас, девчонок, он стеснялся, прятался за широкие юбки травницы и сверкал оттуда любопытными голубыми глазенками.

Правда, лет восемь назад, когда мальчишке исполнилось десять, наши мистрис сочли Данилку слишком взрослым, чтобы находиться в женском приюте, мол, это может повлиять на нашу нравственность, и ходить к нам мальчик перестал.

– А чем плохо в знахари?

Я слезла с кушетки, с любопытством следя за работой Данины.

– Знахари всегда нужны, особенно у нас, в приграничье. Да и в городе тоже. Опыта наберет – может даже к лорду попасть, если повезет. А нет, так и деревенских лечить надо, то от хвороб, то от бедствий всяких.

– Так-то оно так, – неохотно согласилась травница, – токмо лучше б в кожевники... спокойнее как-то.

Данина задумалась, лицо ее снова нахмурилось, и внутренний свет пропал. Я вспомнила дошедшие до нас в прошлом году слухи о том, что казнили в Старовесте двух знахарей, обвинив в колдовстве, чернокнижестве и потворствовании Зову. Казнили страшно – четвертовали, а потом сожгли и прах отвезли в Черные Земли, а это значит, что не будет тем колдунам покоя, и будут вечно терзать их души чудища тех мест.

Брр...

– Данина, а это правда, что из деревни пропадают дети?

Каменный пестик вывалился из рук травницы и с сухим стуком покатился по столу. Я с интересом проследила за его перемещением и перевела взгляд на перепуганную женщину.

– Кто тебе сказал? Ох, Ветряна!

– А я подслушала, – искренне ответила я, – так это правда?

Травница тяжело, кособоко опустилась на лавку.

– Не знаю я, что правда, Ветряна. Не знаю. Странные времена настали, темные. Поговаривают... Поговаривают, что пропадают.

– В Пустоши?

– Да, и у нас в Пустоши, и в Пычиженске пропали двое. И в Загребе... И дальше, почти у границы – тоже. И главное, с собаками охотничьими искали, мужики все округу прочесали, как гребешком, и то не нашли! И следов нет! Как испарились.

– Совсем никаких следов? Куда ж они делись?

– Вот и непонятно, куда! Есть следы от дома до лесной кромки, четкие такие, и собаками взятые и охотникам видимые, а потом – пууф! – и все. Как испарились детки-то!

– Как же они ночью из домов незаметно выходили? – задумчиво протянула я.

– Почему ночью? – удивилась Данина. – Средь бела дня все! Ночью-то насторожились бы, не пустили, а тут никто и внимания не обратил!

– Так это не Зов? – слишком радостно брякнула я

Данина охнула, обмахнулась тряпкой, словно мух отгоняя. Посмотрела осуждающе.

– Да Святая Мать с тобой и духи ее верные, святые старцы! Что ты такое вслух говоришь! Еще беду накличешь! Нет, вроде, не... то самое. Днем же, да и никаких признаков у деток не было.

Признаков не было. Конечно, кто ж скажет, если они и были. Ага, ищи дураков. Однако от мысли, что пропавшие дети ушли не по Зову, мне стало легче.

– Вот мало нам той напасти было, сколько бед от Зова, сколько горестей! А теперь еще и днем пропадают! Это что ж делается?

– Так, может, зверь какой? – предположила я. – Волк или медведь? Вон их сколько в лесах развелось!

– А следы? Следов-то нетути!! Уж нешто охотники звериный след не распознают? Или не заметят? Нету следов!

Я снова задумалась, машинально перебирая сухие корешки. И, правда, странно. Куда же они подевались? Представила себе мальчишку в коротких штанишках, ботиночках и тулупчике, вот смешно он топает по деревне, водит палочкой по земле, гоняет за щекой вкусную сладкую ягоду с медом, пинает шишку. Топ—топ, на земле остаются четкие следы его ботиночек, и ему весело и не хочется возвращаться, только сладость уже заканчивается, и мамка будет ругаться, что опять он дошел до самой кромки, куда ходить нельзя, но так хочется. И вдруг...

И вдруг... Я зажмурилась, словно вот-вот увижу это вдруг, пойму, что там произошло и куда делся розовощекий мальчишка с веточкой в руках.

– Держи свою настойку! По глоточку пей, когда сильно в сон клонит, и не больше трех глотков за раз, Ветряна!

Я встрепенулась, осоловело уставившись на травницу. Даже не сразу поняла, что это она мне в руки сует. Ах, настойка... ну, да. Разочарованно запихнула склянку в карман юбки, но не забыла поблагодарить женщину.

– Чего так долго? – подскочила мне навстречу Ксения. – Одевайся скорее, на вечерню опоздаем!

Сама она уже наматывала на волосы платок, натягивала кожух.

– Давай – давай, шевелись! Не хватало еще по пальцам получить за опоздание! Все уже ушли!

Я схватила свой тулуп, на ходу закручивая косы под платок. Выскочив, мы как раз успели пристроиться в хвост процессии, традиционно каждый вечер восхваляющей святых старцев Ордена. Раньше мы ходили вдоль всего приюта со свечами в руках, однако последние годы воск экономили, и в руках послушницы несли еловые и дубовые ветви.

Даже Аристарх, гундосо распевавший псалмы во главе шествия, и арья Алфия размахивали ветками, как и мы.

Замерзшие участники процессии, шагающие вдоль здания и размахивающие ельником, выглядели столь комично, что мы с Ксенькой захихикали, но тут же сделали серьезные, одухотворенные лица. С одухотворенностью, кажется, переборщили, потому что Алфия покосилась на нас и взмахнула прутом. Мы вытянулись по струнке и старательно запели вслед за Аристархом. Алфия, в отличие от Гарпии, хлыстом не владела, зато в совершенстве орудовала гибким ивовым прутом, которым с удовольствием хлестала учениц по пальцам за недостаток рвения. Да так, что руки распухали до локтей, и пальцы не могли удержать на следующий день перо.

Поэтому пели мы вдохновенно.

За время, проведенное мною в каморке травницы, ночь уверенно опустилась на землю. В морозном небе мерцали синие звезды, желтая луна таращилась на нас всеми своими пятнами. Где-то в лесу, у елей, чуть хрипло и протяжно завыл волк, так четко попадая в такт с Аристархом, словно они это отрепетировали. Мы, не удержавшись, прыснули.

Алфия сверкнула на нас глазами, но тут в ельнике волчий вой подхватили еще с десятков звериных глоток, дикая лесная песня заглушила наши испуганные голоса, Аристарх закашлялся и замолчал. Видимо, не зная, как поступить: все-таки теперь уже не понятно, кто кому подпевает. Да и распевать псалмы под волчий вой – это как-то... кощунственно!

Еще несколько зверей завывали справа и слева, создавая весьма неприятное ощущение, что нас окружают. Девчонки сбились с шага, нарушая торжественный строй, боязливо собрались в дрожащую кучу. Аристарх с Алфеей тревожно озирались, не зная, что предпринять. То ли продолжить шествие, то ли плюнуть и спрятаться за каменные стены приюта. Хотелось плюнуть, желание это столь отчетливо читалось на их лицах, освещенных луной, что даже первогодки это поняли.

– Не расходиться, – приказала Алфия, потрясая прутом и тревожно озираясь. – Всем стоять! И потрусил к началу процессии, вернее, кучки.

– Как волки близко... – тихо сказала Ксения мне в ухо. – Никогда так близко не подходили. Словно прямо у ограды воют.

Я кивнула, подула на замерзшие пальцы, непочтительно засунув ветку под мышку. Подруга права, и я не помню волков так близко. До нас, конечно, иногда доносились протяжные волчьи песни, но издали, из леса, от Границы.

Я с интересом прислушалась.

– А красиво поют, – удивилась я, – с чувством.

– Все-таки ты, Ветряна, скаженная. С каким чувством, это же волки! Жрать они хотят. Вот схрумкали бы пару послушниц, еще пуще б запели. Только от радости уже!

– Ты не понимаешь, – я задумчиво уставилась на звезды. – Красота какая! Посмотри.

– Ага, предпочитаю на лавке у печи пирожки рассматривать. Вот то красота, – буркнула подружка. – Да и неудобно как-то, так близко воют... страшно.

– А мне – нет, – призналась я и сама удивилась. А ведь правда не страшно. Даже как-то... нравится. Ведь красиво же поют, в самом деле!

Я прикрыла глаза. В том, что волки именно поют, а не воют бездумно с голодухи, я не сомневалась. И мне чудилось, что я даже понимаю, о чем их песня. О свободе, о безудержном беге по рыхлому снегу, об острых запахах леса, что не дают спать... о ветре, с которым можно играть в салочки... об одиночестве... о надежде, что переживут зиму, встретят весну и цветение трав...

Мне безудержно захотелось поднять лицо к луне и подпеть... или подвыть!

– Ветряна, что с тобой? – Ксения рассматривала меня с подозрением.

– Пovýть захотелось, – серьезно сказала я.

– А, ну это бывает. Мне показалось, что ты их слушаешь.

– Да, слушаю. Слова красивые...

– Какие слова? – пискнула Ксю, округлив глаза.

Я махнула рукой.

– Идем, наши в тепло потянулись.

Я поковыляла к приюту, отмахиваясь от подружки. Волки, словно расстроившись, что слушатели удалились, замолчали.

Ужин «порадовал» жидкой овсянкой и ржаной краюшкой.

– С такими харчами скоро не волки нас, а мы их жрать пойдем, – хмуро сообщила Ксения, размазывая кашу по тарелке. Я захихикала, представив свою боевую подружку с топором в одной руке и обалдевшим от такого нахальства волчарой – в другой. Ксения тоже улыбнулась.

Мы еще похихикали, так и эдак представляя эту картину, потом я вспомнила о произошедшем и посерьезнела.

– Данина говорит, в деревнях пропадают дети. И еще, у нас в приюте – тоже. Только настоятельницы это скрывают, – прошептала я, оглядываясь, чтобы не услышали другие. Впрочем, особого внимания на нас никто не обращал, послушницы торопливо стучали ложками. Наставница у окна лениво оглядывала зал, присматривая за воспитанницами.

Я потихоньку перассказала Ксени все, что услышала от травницы. О подслушанном разговоре Божены и Гарпии, вернее той части, где речь шла обо мне, говорить не стала, слишком он был странным. Хотелось для начала все осмыслить.

Подруга задумалась.

– Непонятно, куда ж они все подевались? И следов не осталось? Ни снежка примятого, ни сломанных веток, ни отпечатков на земле?

– Ни—че—го! Охотники искали с собаками, и никаких следов. Вернее, следы есть до определенного места, а потом обрываются!

– Улетели они, что ли? – недоуменно сморщила лоб Ксения. – Не бывает же так! А может, это все байки деревенские? Сама знаешь, горазды они сочинять небылицы!

Я пожала плечами. Может, и байки, но на душе тяжело. Да и наставницы наши перепуганные ходят, тревожные, а наших grymz так просто не испугать.

– У нас тоже пропадают, – задумчиво протянула Ксения. – Сама подумай, послушниц становится все меньше и меньше, куда они деваются? Младшие раньше пять столов занимали, а сейчас – три всего.

– Ну, гниль по весне разгулялась... – неуверенно сказала я.

– Ага... Это нам так сказали, что гниль. Надо в Пустошь сходить, – решила Ксения. – Разузнать, что там, да как. Ох, не нравится мне все это!

А то, мне тоже.

– Как же мы туда ходим? Не пускают же!

– Придумаем! – подруга в третий раз облизала чистую ложку, и, с сожалением обзрев пустую миску, поднялась. В том, что Ксения обязательно придумает, как сбежать в деревню, я не сомневалась.

Глава 3

К сожалению, эти планы нам пришлось отложить. С вечера бодрая и решительная Ксения к утру проснулась с горячечной головой и красными, воспаленными глазами.

– Студеная хвороба! – обрадовала нас прибежавшая Данина.

Ксения застонала. Все знают, как отвратительны на вкус настойки от этой напасти! Гадкие настолько, что болеть хворобой мы искренне стараемся как можно реже!

– И ты, Ветряна, мне тоже не нравишься! – заявила Данина. – Ну-ка, покажи язык!

Я высунула кончик, косясь на недовольно застывшую в углу Гарпию. Отлеживание в постели одной послушницы она, скрепя сердце, еще могла пережить, но двух! Да еще каких! А как же ее любимое утреннее развлечение с хлыстом?

Однако Данина стояла на своем.

– Ветряна, Ксения, живо в постель! Не хватало еще других послушниц заразить! Как вас потом лечить? Лорд ректор приедет, а у нас все по койкам лежат, хворают, его заражают! Он ругаться будет, мол, не усмотрела Данина, прозевала! Живо в постель, кому говорю!

Гарпия скривилась, упоминание лорда ректора ей явно не понравилось, однако картина, нарисованная хитрой травницей, не понравилась еще больше. Потому что влетит тогда и Гарпии.

Однако сдаваться так просто мистрис не желала.

– Пусть Ксения остается, а вот Ветряна на больную что-то не похожа...

– Не похожа? – взвилась травница. – Да вы посмотрите на нее! Глаза красные, сама синюшная, трясется, как припадочная!

Меня и правда потряхивало. От очередной бессонной ночи да выпитой почти полностью бодрящей настойки. Эффект от нее был, спать не хотелось, но трясло меня сейчас хлеще горячечной Ксени.

– Страшная, как навь кладбищенская! – добила меня Данина.

Я обиделась. Ну, не красотка, конечно, но кладбищенская навь? Это, пожалуй, слишком!

Зато Гарпии сравнение понравилось, она растянула тонкие губы в подобии улыбки. Чтобы ее порадовать, я скосила глаза и обморочно задышала. А так как с утра я не успела расчесаться, и волосы дыбом стояли на голове, выглядела я наверняка знатно.

Данина сдвинула брови, чтобы я не переигрывала.

– Пойду отварчик от хворобы принесу! – радостно потерла руки травница. – И побольше! И корень мохровицы заодно, чтобы уж наверняка!

Гарпия растянула губы сильнее. Настойка мерзкая, а корень мохровицы, который нужно жевать от горячки, отвратительный настолько, что запросто сшибает с ног лошадь. Убедившись, что ничего радостного нам не светит, а лекарства вполне можно приравнять к утренней экзекуции, Гарпия милостиво разрешила нам болеть и удалилась.

– Ух, – Данина вытерла со лба пот. Я плюхнулась на свою койку.

– Навь кладбищенская?

– Ну, прости, надо ж было мистрис убедить. Хотя... – она окинула меня скептическим взглядом и добила: – Хотя навь кладбищенская покраше тебя будет! Все, я за настойками пошла, а вы живо под одеяло! Не хватало еще и правда всех хворобой заразить, – и хитро улыбаясь, вредная травница вышла.

Я благодарно посмотрела ей вслед и вытянулась на узкой койке. Все-таки возможность поспать в тепле вместо бега по стылому двору и нудных занятий весьма радовала. Даже если для этого пришлось стать навью! И потом, вопрос собственной внешности меня и раньше не сильно волновал, а сейчас и подавно. Страшная я, так что ж поделывать, замуж все равно нам

не выходить. Послушницы Ордена принимали обет безбрачия. А чтобы просвещать да нести святое слово народу, и моя неказистая внешность сойдет.

И все же... Навь кладбищенская!

– Ты сегодня опять не спала? – сипло спросила Ксения. И как она заметила? Сама же дрыхла сном младенца всю ночь. Я промолчала, не зная, что сказать. Темные, как спелые вишни, глаза подружки, осуждающе рассматривали меня из-под одеяла.

– Сейчас поспи. Утро уже. Можно.

На глаза мне навернулись слезы. Защипали, и я судорожно задышала ртом, уже по-настоящему.

– Догадалась... – прошептала я.

– Дура ты, Ветряна, – сипло, но с чувством заключила Ксения, – спи. Потом поговорим.

Облегчение от того, что можно будет все рассказать, что Ксенька не испугалась и не отвернулась от меня, было столь сильным, что я не выдержала, затряслась от хлынувших слез. И свернулась калачиком, отвернувшись, уставилась невидящим взглядом в стену.

– Поспи, – повторила Ксения шепотом. И я расслабилась и... заснула.

Когда Данина принесла настойку, мы в унисон посапывали на своих койках.

Поговорить нам не удалось. Измученная вынужденным бодрствованием последних дней, я проспала до заката, даже на запахи принесенной дневальщицей каши не отреагировала. А к вечеру Ксеньке стало хуже, горячка усилилась. Подруга металась на узкой койке, красные жаркие пятна разлились по ее щекам. Данина озабочено протирала ее влажной тряпкой, вымоченной в настойке трав, и ругалась себе под нос.

– Надо перенести ее ко мне, – сообщила травница. – Нельзя здесь оставлять, боюсь, все хуже, чем я думала... Эх, хоть бы не...

Я вздрогнула, поняв, о чем женщина умолчала. Хоть бы не гниль, от которой в прошлом году так и не спасли трех послушниц.

– Собери ее вещи. Нательную рубашку, платье, платок. И одеяло сверни, ей холодно, постараюсь ее согреть. Позову кого-нибудь, чтобы перенести Ксению ко мне в травницкую.

– Я с Ксеньей!

– Тут сиди. Если то, чего я опасуюсь...

Я упрямо выставила худой подбородок.

– Я. С. Ксеньей. Даже если это чернильная гниль, все равно. Я ее не брошу.

Данина покачала головой, потом устало махнула рукой, соглашаясь.

В комнатке травницы мы уложили больную на кушетку, укрыв двумя одеялами, но подружка все равно тряслась от холода. Пока Данина готовила снадобья, я разожгла камин, не жалея дров, так что через полчаса в маленькой комнатушке было нечем дышать. Однако Ксения все так же мерзла. Всю ночь травница, сжав зубы, обтирала ее горячее, мокрое тело холстиной. Иногда она без сил замирала в углу, на куче хвороста и сена, и тогда ее заменяла я.

Ксения плакала, когда мы стаскивали с нее одеяла, хваталась за них горячими пальцами, просила оставить ее в покое и не мучить.

– Так холодно, – бормотала она, стуча зубами, – ужасно холодно...

Об ее кожу можно было обжечься.

Весть о том, что две послушницы больны гнилью, как разрушительный смерч пронеслась по приюту, сея ужас и панику. Наши скудные пожитки в тот же день отправили в огонь. Даже перья, которыми мы писали, и Ксенину резную заколку-единственную ее память о погибших родителях. Благо, я успела завернуть в узел носильные вещи, а то и вовсе остались бы мы с подружкой лишь в ночных рубашках и чепцах.

Каморку травницы стали обходить десятыми коридорами, даже Гарпия не рискнула к нам сунуться, только через дверь распорядилась вывесить на окно белую тряпку, когда все будет кончено. Данина хмыкнула.

– Интересно, если все уже кончено, как мы сможем это осуществить? – поинтересовалась она. Я представила, как мой хладный труп, осознавая свой долг перед приютом и лично перед мистрис Кариславой, восстает из небытия, скрипя костями и потряхивая окоченевшими конечностями, ползет к окну, размахивает тряпицей и упокоенно снова отправляется в чистилище.

И рассмеялась. Травница устало мне улыбнулась.

Утром под окнами каморки развели костер из можжевельных и сосновых веток, которые, как известно, отгоняют злых духов и нечисть. Аристарх заунывно затянул псалмы, ему нестройно подпевали испуганные и дрожащие от холода послушницы.

Сырые ветки долго не хотели разгораться, чадили, потом все же занялись, и черный смолянистый дым клубами повалил в открытую створку. Я растворила окошко шире и вывернула на горящую кучу отхожее ведро, «совершенно случайно» окатив заодно и Аристарха. Под его вопли и сдавленное хихиканье воспитанниц костер зашипел и погас.

Вечером огороженное местечко за дверью, где нам оставляли еду, оказалось пустым. Наш преподаватель терпимости этой самой терпимостью не отличался. Так что ужинать нам пришлось сушеными ягодами из запасов Данины.

На третий день Ксене стало лучше, жар немножко спал, и она, измученная горячкой, уснула. Мы с травницей, все три дня спавшие по очереди на тюке с сеном, облегченно вздохнули.

– Кажется, повезло, – вытирая пот со лба дрожащей рукой, сказала женщина, – теперь Ксенюшка пойдет на поправку. Только вот настойки у меня заканчиваются, а они ей необходимы для поддержания сил.

– Что же делать? – пригорюнилась я.

– У меня дома, в Пустошах, есть запас, только вот я боюсь оставлять больную надолго, вдруг опять лихорадка?

– Я схожу, – решила я и потянулась за кожухом. – Больше все равно некому.

– Может, обратиться к мистрис, – засомневалась Данина. – Авось, выделят кого, за снабженьями-то.

– Пока они решатся да соберутся, неделя пройдет, – покачала я головой. – Мы не можем так рисковать. Вдруг настойки сегодня понадобятся? Только вот как мимо привратника пройти? Послушницам в деревню ходить запрещено.

Травница окинула меня задумчивым взглядом и хитро улыбнулась

– Есть одна мысль. Снимай-ка ты, дорогуша, свою уютную одежду, да влезай в мое платье и сапоги.

Я понимающе кивнула.

Через полчаса я беспрепятственно миновала ворота приюта и вышла на дорогу. На мне было черное платье травницы, высокие сапоги, вдовий платок Данины надежно скрыл волосы до самых бровей, а широкий плащ с капюшоном довершал образ. Я сгорбилась, низко опустила голову и зашаркала ногами, подражая походке женщины и крепко обнимая ивовую корзину.

Привратник на выходе только крякнул досадливо, увидев меня, но ничего не сказал, даже отошел подальше, чтобы края моего плаща его не задела.

– Данина, что, правда, к нам гниль принесло? – крикнул он мне в спину. Я не ответила и заспешила к деревне. – Вот старая карга, что б тебя, – пробубнил привратник, сплевывая на землю.

От приюта до Вересковой Пустоши около трех верст ходу. По детству мы неоднократно сбегали в деревню, то за паданками у раскидистой яблони с края домов, то в поисках кислой морошки. Повзрослев, детские набеги на деревню мы вынуждены были прекратить, деревенские не жаловали приютских, относились настороженно и могли наябедничать наставникам. А те шалостей не прощали, могли прутом отхлестать и на воду с сухарями посадить. А то и в «темную» на семидневицу отправить, чтоб другим неповадно было. Да и неудобно как-то взрослым девицам по околицам шляться в поисках подгнивших яблок.

Так что бегать в деревню мы перестали.

Но дорогу я, конечно, не забыла. Отойдя от приюта на достаточное расстояние, я выпрямила спину и осмотрелась. Красный суглинок подмерз, и идти по нему было легко. После трех дней в душноватой камерке тело радовалось движению и свежему воздуху. За каменной лестницей с тремя площадками ярусами высились ворота, а за воротами начиналась пролесок с чахловатыми осинами и соснами. Раньше, во времена лорда, деревья у Риверстейна выкорчевывали, оставляя широкую обзорную полосу с полверсты шириной. Сейчас же суровый северный лес уверенно подбирался к самой ограде приюта. За молодыми сосенками стояли стеной огромные треугольные ели, их подножья подпирали мшистые валуны, из-под которых змеились вылезшие корни деревьев. Севернее Риверстейна тянулись озера и болота, заросшие диким багульником, морошкой и звездчатой осокой, и летом оттуда ощутимо тянуло запахом гнилой топи. Еще дальше, за непроходимыми болотами возвышались грядой осколы Северных Гор, по которым пролегла граница с Черными Землями.

Вересковая Пустошь раскинулась южнее, вниз по склону холма, на котором когда-то и воздвигли здание приюта, в долине. Туда я и направлялась.

Дом Данины стоял ближе к окраине, меня это радовало: все-таки идти через деревню я остерегалась. Я шагнула за шаткий заборчик, плешивый пес высунул коричневый нос из конуры, лениво тявкнул и залез обратно. Тоже мне охранник!

Навстречу мне выскочил Данила.

– Матушка!– обрадовался он и споткнулся растерянно. – Ты... ты кто? Почему ты в одежде моей матери? Что с ней случилось?

– Данила, не кричи! И не пугайся, я Ветряна, помнишь меня? Из приюта! Меня прислала твоя мама, за снадобьями. Подожди, вот тут она все тебе написала...

Я торопливо сунула сыну травницы пергамент и, пока он, хмурясь, читал послание, тайком рассматривала его. В отличие от большинства деревенских, он был обучен грамоте.

Я запомнила Данилу вихрастым и тощим пацаном, со сбитыми коленками и испуганными глазенками, а сейчас передо мной стоял высокий серьезный парень, казавшийся слишком взрослым и суровым для своих лет.

– Девочка с седыми волосами, – узнал он меня. – Иди в дом, нечего тут стоять, соседям глаза мозолить.

Я послушно прошла в сени, на ходу снимая платок и приглаживая вылезшие из кос волосы.

В доме было чисто, пахло корешками и сухой травой. А еще едой.

Я сглотнула слюну, стараясь, чтобы Данила не услышал, но он все же уловил звук, либо просто догадался. Молча поставил передо мной стакан козьего молока и кусок пирога, начиненного кашей и мелкой озерной снеткой. От густого и сладкого запаха слюна помимо воли до краев наполнила рот, и я снова сглотнула, а потом вцепилась зубами в румяный, чуть подгоревший с края бок пирога, шумно прихлебнула пенку с молока, и, устыдившись своих манер, мучительно покраснела.

Данила сделал вид, что не заметил. Деловито перебирал пузырьки с дубовыми пробками и пузатые склянки, рассматривал их на свет и складывал в ивовую корзину.

Доев пирог и с сожалением заглянув в опустевшую кружку, я вспомнила про воспитание и завела светскую беседу. Хотя больше все же от любопытства.

– Данина говорит, ты решил стать знахарем?

– Угу.

– Тебе нравится лечить людей?

– Угу.

– В ученики пойдешь?

– Угу.

– В Пустошах ведь знахаря нет, значит, придется в Загреб отправляться или в Пычиженск, да? Или вообще в Старовест?

– Угу.

– Да уж, болтливым тебя не назовешь, – съехидничала я.

Данила посмотрел из-под лохматых пшеничных бровей и насупился.

– А чего зря языком молоть, время настанет – пойду. Куда – не думал пока.

– Не стратег, – сказала я.

– Чего обзываешься, – неожиданно по-детски обиделся парень.

Мне стало смешно. Я искренне попыталась объяснить Даниле значение слова «стратег». Кажется, парень не понял, но поверил, что обидеть его я не хотела. Но на всякий случай опять нахмурился.

Я тайком улыбнулась. Похоже, сын травницы просто стесняется меня, вот и хмурится, старается казаться взрослым и суровым.

– Слушай, Данила, а ты слышал про пропавших детей?

Парень ошутимо напрягся, но ответил.

– Было такое, – кивнул он.

– И не байки, как считаешь?

– Я почему знаю! – неожиданно зло выкрикнул он. – Что ты ко мне привязалась? Забирай свои лекарства и вали в свой замок! И нечего сюда шастать!

Я вскочила, платок упал с колен, и я суетливо подхватила его, чуть не упав, запутавшись в неудобных юбках.

– Да и что я такого спросила? Зачем орешь? Подумаешь, фиалка какая, спросить нельзя! Орать сразу? И вообще, ты чего нервный такой?

Данила отвернулся, задышал натужно.

– Извини, – глухо, не поворачиваясь, сказал он, – я не хотел... орать. Просто у нас правда дети пропадают, во всех окрестностях, недоетки совсем. Старшому двенадцать весен, а другие и того меньше...

– Сколько их пропало?

– Девять... уже девять.

Я ужаснулась. Ничего себе! Девять детей пропали бесследно из маленькой деревеньки!

Я обошла согнувшегося, как от непосильного груза, парня, заглянула ему в глаза.

– Ты знаешь, где они? Что с ними случилось?

– Нет! – снова выкрикнул он. И снова задышал, как собака, успокаиваясь. – Нет.

– Данила, – позвала я, – если ты можешь помочь... Сам же говоришь, мальцы, недоетки...

Он отпихнул меня так, что я с трудом на ногах удержалась.

– Говорю же, не знаю! Я ничего не знаю! И ничем не могу помочь! Теперь уходи! Уходи отсюда!

Я неторопливо накрыла платком волосы, завязала концы.

– Знаешь, – задумчиво протянула я, разглядывая спину отвернувшегося от меня Данилы, – твоя мама сказала, что ты не спишь по ночам, даже просил ее сделать для тебя

бодрящую настойку, – спина парня напряглась еще больше. – Возможно, я понимаю, что с тобой происходит. Я тоже стараюсь ночью... не спать. Уже три месяца. Это тяжело... очень. И страшно.

– Я не знаю, о чем ты говоришь, – сухо, не поворачиваясь, бросил он.

Я вздохнула, сдаваясь, подхватила корзину.

– Спасибо за пирог, Данила. Я передам твоей матушке, что у тебя все в порядке. Она за тебя волнуется. И если захочешь поговорить, около приюта со стороны ельника есть заброшенная часовня, я иногда прихожу туда... подумать.

Данила фыркнул. Я еще постояла, но, так и не дождавшись ответа, вышла за порог. На этот раз пес даже носа из конуры не высунул.

Потоптавшись за калиткой, я задумчиво побрела вдоль частокола. То, что сын травницы знает больше, чем говорит, очевидно. Но не пытаться же его, в самом деле! Да и размеры у меня не те, чтобы силой вытянуть из рослого парня то, что он не хочет говорить. Но чего он боится, почему молчит? Ведь явно переживает, нервничает и говорит о пропавших детях с откровенной жалостью, но рассказать больше – не желает. Не доверяет мне? Может и так, с чего ему доверять, мы и виделись-то пару раз и то по детству.

Я улыбнулась, вспомнив, как смутилась Данина, когда ее мальчишка, увидев меня в первый раз, вытаращил глазенки и непосредственно ткнул в меня пальцем.

– А почему у этой девочки волосы, как у нашей старой бабуни? Белые-белые? Она что, девочка-старушка?

Данина стала что-то ему выговаривать, а я тогда задрала нос и убежала, чтобы не расплакаться. С возрастом я привыкла к такой реакции на мою внешность и перестала обращать на это внимание, а по детству, помню, сильно расстраивалась, ревела или злилась. Волосы у меня длинные и, как ни странно, совершенно седые. Белые, словно лунь. Были ли они такие от рождения или поседели из-за какого-то события, я не знаю. В приют в свои пять лет я попала уже с такими волосами, а все, что было раньше, моя детская память, увы, не сохранила.

Вынырнув из воспоминаний, я потопталась у колючих кустов дикого шиповника и решилась дойти до местной харчевни, купить для Ксени лакомство. Харчевня в Пустоши была одна и весьма потрепанная, впрочем, как и все в этой деревеньке. Располагалась она на первом этаже длинного приземистого здания. На втором хозяин обустроил тесные и сырые комнатухи для проезжих путников. Здесь же имелась лавка с товарами, в которой можно было приобрести разную мелочь в дорогу и нехитрую снедь.

Кроме учебы послушницы весьма активно занимались рукоделием и шитьем, которое потом отправляли в город на продажу. Деньги шли на благо всего приюта, но по весне практичная Ксения сопровождала повозку, и несколько медяков за связанные рукавицы остались в ее кармане. И сейчас пришлись весьма кстати.

Надвинув платок до самых глаз и выставив перед собой корзину, я зашла во двор. Здесь пахло конским навозом и хлебом, в подтаявшей глинистой грязи возились взъерошенные неопрятные куры, выискивая червячков и крошки. Сизый петух с опципаным хвостом глянул на меня недобро, возмущено захлопал крыльями и спрятался за колесо телеги. Я осторожно двинулась к харчевне, обходя копошащихся птиц и приподнимая подол. Грязь и навоз противно чавкали под подошвами сапог.

В самой харчевне было лучше, по крайней мере чисто. В маленьком помещении – полумрак, серый пасмурный свет едва проникает через мутные стекла, а для керосинок и свечей еще рано: день на дворе. Я робко попросила у хмурой женщины горячий сбитень, купила сладкую булку для Ксени, заплатила медяк и присела на лавку.

От пенистого медового, пахнувшего имбирем и перцем сбитня на душе стало легко и радостно, я даже задумалась, как бы раздобыть склянку побольше да угостить напитком

подругу и травницу. Правда, потом вспомнила, что в кармане у меня пусто, и пригорюнилось. Ладно, решила я, булка – тоже хорошо. Ксения обрадуется.

Дверь хлопнула, впуская новых посетителей.

Я горестно вздохнула и украдкой оглядела парочку, устроившуюся за столиком. На мужчину не посмотрела, слишком яркой была его спутница. Никогда в жизни я не видела таких красавиц. Бархатная персиковая кожа, огромные, темные, чуть вытянутые к вискам глаза, блестящая темная волна неприкрытых волос. Дорогое темно-синее, с серебряной вышивкой и камнями у горла платье подчеркивало ее удивительную красоту и как влитое сидело на точеной фигуре. Плащ, целиком подбитый мехом серебристой лисицы, девушка небрежно бросила на лавку.

Благородные, верно, из самой столицы прибыли. Интересно, что им понадобилось в нашей глуши?

– Ну какое же убожество! – услышала я приглушенное и вздрогнула, чуть не пролив сбитень на деревянный стол.

Это она что, обо мне? Понятно, я не красавица, и плащ у меня грязный, в темных пятнах, и сапоги в навозе, но «убожество»? На глаза навернулись слезы, я отчаянно заморгала и еще ниже опустила голову.

– Аллиана, перестань, – голос мужчины звучал глухо и чуть хрипло, как у простуженного. – Мы здесь не для того, чтобы обсуждать твою ненависть к людям.

– Ненависть? Ха! – та, которую назвали Аллиана, откинула голову и расхохоталась. – Все, что я испытываю к этим маленьким человеческим тварюшкам, – это лишь презрение и брезгливость!

Ничего себе! Я возмущенно засопела. Нет, видала я разных гримз, но чтоб таких! Впрочем, говорят, в Старовере все такие.

– Ты только посмотри на эту, – продолжала девушка, не стесняясь и даже не думая говорить тише, – убогое, жалкое создание. Ни красоты, ни силы... Полная бесполезность. Даже невкусная!

Я поперхнулась сбитнем. Может, они не обо мне? С надеждой осмотрела пустой зал. Кроме меня – никого. Даже хозяйка куда-то делась. Видать, за разносолами побежала, дорогих гостей потчевать.

– Никто не мешал тебе остаться за Чертой, – еще глуше сказал мужчина. – Я тебя не звал. А мне нужно разобраться в происходящем...

– Ах! – резко вскинула голову красавица. – Я не верю в эти рассказы! Чушь и глупости! Две сущности в одной – невозможно!

– Источник просыпается, я чувствую его. В этом Оракул не ошибся.

Девушка резко выдохнула.

– И все же... не понимаю! Мне здесь не нравится, ты же знаешь! Ужасно, все просто ужасно! И эти отвратительные люди... мерзкие, ничтожные и тупые создания! Низшая раса! И они... они воняют!

Я прислушивалась, невидящим взглядом уставившись в глиняную кружку. Кажется, сбитень горчит.

– Аллиана, помолчи. Ты мешаешь мне думать.

Я изо всех сил напрягала слух, поневоле заинтересовавшись. О чем это они?

– Но мне тут не нравится, – капризно сказала Аллиана, ее я слышала хорошо, – и я...

– Замолчи, – голос прозвучал вообще без эмоций, но мне необъяснимо стало страшно. Кажется, этой красавице тоже, потому что она резко замолчала. Но смотрела возмущенно. Мужчина хрипло рассмеялся.

– Интересная иллюзия, – сказал он.

Девушка кокетливо откинула волосы.

– Тебе нравится, дорогой?

– Нет.

– Ах, ты... сволочь!

Я прикрылась кружкой, чтобы хихикнуть. И украдкой взглянула на парочку. Что это?

Волна страха накрыла меня с головой, я отчаянно заморгала! Потому что у возмущенной красотки на моих глазах еще сильнее потемнели волосы, став иссиня-черными, клыки удлинились, так, что я ясно видела их торчащими из-под верхней губы, и глаза приобрели ярко-красный оттенок!

О, пречистая Матерь и святые старцы! Кто это? Демоница!

Мужчина вдруг резко повернул голову и уставился на меня. Я уткнулась носом в кружку, перед глазами все плыло, но я четко осознавала, что он смотрит на меня! И мне было страшно!

– Она тебя видела, – глухо сказал он.

– Это невозможно, – ответила девушка.

Теперь я знала – они оба меня рассматривают. Мужчина и эта... с клыками! Сердце сжалось от ужаса.

– Невозможно! – уверенно повторила клыкастая. – Она человек, никаких следов Силы.

– Заткнись!

Мужчина почти зарычал, и меня обдало ледяной волной. И тут я ощутила... что-то странное. Как будто моей шеи коснулось легкое перышко, и это перышко аккуратно, но настойчиво прошло по моему горлу, потом щеке, пощекотало лоб и стало погружаться внутрь моей головы! Я не выдержала, взвизгнула и вскочила.

И невероятно, но он вдруг оказался прямо передо мной! То есть я была совершенно уверена, что мужчина сидит за соседним столиком, все так же, чуть расслабленно, вполоборота ко мне, а через мгновение без единого движения он оказывается рядом, так близко, словно собирався меня поцеловать! И я уже неотвратимо погружаюсь в омуты его глаз, которые словно выплескиваются из берегов, а черный дым стелется из зрачков, окутывая его лицо, и оно дрожит, меняется... И сквозь одно лицо проступает совершенно другое!

И я вместо обычного, вполне заурядного мужского лица вижу настоящее: чуждое и... страшное. Он словно становится выше ростом... Значительно выше и шире, я мельком замечаю смуглую кожу, темные волосы, мощные плечи и руки, странное тусклое кольцо, висящее на шнурке в разрезе ворота... Снова вижу его глаза: нечеловеческие, черные с желтым ободком вокруг вытянутых, как у зверя, зрачков, из которых струится серо-черный дым!

У меня кружится голова, слабость сковывает тело, а мужчина все ближе. Желтый ободок в его странных глазах становится ярче, вспыхивает золотым, это завораживает и пугает одновременно. Он смотрит, не отрываясь, и мне кажется, что я тону, словно меня засасывает в черную дыру или воронку. И меня тянет, тянет на какую-то невероятную глубину, и я знаю, что там от меня, моего сознания и души, ничего не останется!

Очередная волна ужаса окутала меня с головой, и я не выдержала. С воплем подскочила, стряхивая морок, опрокинула лавку, задела чашку, и остатки сбитня липкой жижей выплеснулись на стол, а я с коротким всхлипом оттолкнула от себя мужчину и, подвывая, бросилась к двери!

И только пробежав версту от деревни, я остановилась и без сил привалилась к шершавому стволу кряжистого дуба. И осознала, что ивовая корзина со столь необходимыми снадобьями, рукавицами и купленной в лавке сладкой булкой, осталась стоять на полу харчевни, возле ножки стола! Я застонала в голос, медленно сползла и уселась на корточки, обхватив колени руками.

И только сейчас заметила крепко зажатое в кулаке... кольцо?

Что это? Я медленно раскрыла ладонь, в ужасе уставившись на собственную руку.

Закрыла глаза, досчитала до десяти и снова открыла. Оно по-прежнему было там. Кольцо. Тусклая серая спираль на кожаном шнурке – разорванном. Тупо смотрю на него еще минуту. Нет, я все же не совсем безмозглая и уже понимаю, что, когда отталкивала то страшное, с не человеческими глазами чудовище, каким-то образом умудрилась сорвать этот шнурок с его шеи, но вот воспринять это событие и как-то его переварить мой разум категорически отказывался!

Что мне теперь делать, я не знала. Одно было совершенно ясно: туда я не вернусь ни за что. Очень хотелось разрыдаться в голос, просто от страха и непонимания, но я не стала. Вряд ли мне сейчас это поможет.

Когда ноги окончательно затекли, я все-таки встала и медленно поплелась в сторону приюта. Тусклую спираль на шнурке просто засунула в карман, что с ней делать – решу потом, сейчас были проблемы поважнее.

Глава 4

До приюта я добрела уже впотьмах, еле переставляя от усталости и пережитого ужаса ноги. Горестно размышляя о том, что же я скажу травнице, и горько сожалея о забытой корзине, я даже не обратила внимания на застывшего за воротами привратника.

В коридорах было пусто, все на вечерних занятиях. Я доплелась до каморки травницы и со всхлипом открыла дверь.

– Данина, я...

Она вскинула на меня воспаленные, лихорадочно блестящие глаза.

– Ксения умирает.

Онемев, я мгновение смотрела на травницу, силясь понять, что она сказала, и как с моей безрассудной и веселой Ксенькой можно соотнести такое страшное слово, как «смерть». А потом бухнулась на колени перед кушеткой.

Подруга лежала спокойно, словно спала. Чуть влажные ее кудряшки потемнели от пота, и завитки прилипли к бледному лицу, с которого словно схлынули все веснушки. Ресницы подрагивали, словно снился Ксени занимательный сон.

И пятна...

Столь красноречивые и жуткие в своей неотвратимости сине-фиолетовые пятна чернильной гнили, из-за которых эта болезнь и получила свое название. Везде: на тонкой шее, на груди, крепких запястьях, животе... ужасные убийственные предвестники смерти...

– Ей стало хуже, когда ты ушла, – вытирая глаза ладонью, сказала Данина. – Я ничего не могла сделать.

Я молча села на кушетку, обняв худенькое тело подруги.

– Ветряна... – начала травница, но замолчала.

Я знала, что она хочет сказать. Нельзя трогать больного гнилью, чернильные пятна заразны, переползут с умирающего на живого, как паразиты поселятся в теле, подточат изнутри. Но мне было все равно. На всей земле у меня только одна родная душа, один близкий человек. И я не оставлю ее.

– Не уходи, Ксения, – просила я, – пожалуйста... У меня больше никого нет.

Данина отвернулась. Тяжело шаркая, отошла к остывающему камину, я услышала оттуда ее сдавленные всхлипы.

Про корзину она не спросила. Да и ни к чему. Нет лекарства от чернильной гнили. Я это знала не хуже травницы.

Я прижала к себе подругу, баюкая, словно маленькую. Ксения не реагировала. Дыхание ее натужное, трудное, с хрипом вырывалось из горла, замедляясь, прерываясь...

– Я не могу тебя потерять. Не могу, Ксенька, слышишь? Пожалуйста, ну пожалуйста...

Безвольное холодное тело ее словно тяжестью наливалось. Так тяжелеет человек, засыпая...

...Я попала в приют осенью. Помню грязную дорогу перед воротами, черные остовы облетевших деревьев, тянувших к небу сухие, скрюченные ветки-пальцы. Риверстейн мрачно нависал над размокшей долиной, ощерившись узкими окошками и распластав, как ворон, каменные крылья. Настоящие живые вороны молча и выжидающе сидели на столбах и кружились над воротами, оглашая округу зловещими криками. Я помню, как стояла у входа, с ужасом взирая на эту черную громадину, казавшуюся мне страшной обителью чудовищ, и испуганно комкала в ладошках грязный платок. Я не помню, как очутилась здесь и кто меня привез, самое первое мое воспоминание – это зловещая глыба Риверстейна, угрожающе рассматривающая меня, словно собираясь сожрать.

А потом в облезлых, облетевших кустах что-то завозилось, зашевелилось. Я отскочила с диким визгом, а из зарослей вылезло нечто грязное, конопатое, с куцыми косичками и измазанными глиной ладонями.

– Чу! – насмешливо брякнуло это нечто, при ближайшем рассмотрении оказавшееся девчонкой, – и что это здесь за плакса такая?

– Я не плакса! – хотелось обидеться, но любопытство победило: – А что ты делала в кустах?

Девочка задумалась, подозрительно меня рассматривая и решая, можно ли мне доверить Большую Тайну. И, видимо, сочла меня достойной великой чести.

– Я ищу сокровища гномов! – важным шепотом поведала она. – Хочешь со мной? Я Ксения, – и протянула мне измызанную ладошку.

Еще бы я не хотела! Так что, когда нас обнаружили настоятельницы, мы уже обе были с ног до головы перемазаны глиной и присыпаны опавшими листьями.

Влетело нам знатно! Даже не отмыв, нас заперли в темном чулане. Правда, Ксеньке было не привыкать к подобному времяпровождению, а я была так увлечена непосредственной живостью моей новой знакомой, что и не заметила наказания. Через сутки мы вышли оттуда закадычными подружками.

...И теперь моя солнечная Ксения, такая живая и веселая, засыпает на моих руках. Засыпает вечным сном, из которого нет возврата...

– Тихо-тихо в соснах ветер шелестит... Тихо-тихо что-то соснам говорит... баю-бай, стволы качает он крылом... Засыпают, засыпают сосны сном...

Вспомнила я слова Ксенькиной детской песенки. Ее пела подружке бабушка, до того, как преставилась, оставив внучку круглой сиротой. И Ксения шептала ее мне, когда я не могла уснуть, мучаясь кошмарами или переживая очередное несправедливое наказание.

Я закрыла глаза. Я не буду сейчас ни о чем думать. Ничего нет, кроме этой минуты, кроме засыпающей на моих руках Ксени, кроме исчезающего ее дыхания. Кроме ветра в соснах, который шелестит, сливаясь с этим дыханием. Кроме тонкого месяца, смотрящего на нас сверху. Кроме бескрайнего, необъятного ночного неба с россыпью звезд.

Я хочу, чтобы ей приснились хорошие сны. Как в добрых сказках, которые мы так любили в детстве.

– ... спите, сосны, говорит он, надо спать... Чтобы завтра в небо ветвями вростать... Чтобы сок земли корнями пить... надо спать. Так ветер говорит.

Я прижалась щекой к щеке подруги. Тонкая. Как молодая сосенка. Мне всегда она представлялась такой: упругим, налитым жизненным соком деревцем с блестящей янтарной смолой.

– ...будет завтра землю солнце согревать... Птицы- петь... Река звенеть, сверкать... Будут травы пахнуть, а пока... надо спать. Всего лишь надо спать...

Слова незатейливой песенки закончились, как закончилось и Ксенькино дыхание. Огромная, невыносимая тяжесть навалилась на меня, придавила неподъемным камнем, высосала силы, не позволяя глаза открыть. Я решила, что тоже умираю. «Вот и хорошо», – устало подумала я. Хорошо. Потому что открывать глаза не хотелось. И я просто застыла, сжимая в руках мертвую Ксению.

Сознание возвращалось в мое тело медленно. Словно раздумывало, нужно ли ему такое ничтожное тельце или поискать что получше. Получше поблизости не оказалось и пришлось – в мое.

Я открыла глаза, силясь понять, где я. Бок придавило что-то тяжелое, не давая повернуться. Я обзрела каморку. За столом, положив голову на сложенные руки, спала Данина.

Неудобно, кособоко, словно заснула внезапно там, где сидела. Пошевелилась, заворочалась, словно почувствовала мой взгляд. Неловко повела затекшей шеей.

– Ветряна? – прошептала она.

Я скосила глаза. За мутным окошком вставало солнце, бледные солнечные зайчики лениво плескались в пузатых склянках и блестящими лужами посверкивали на досках пола.

Шевельнулась. Руку закололо иголками, как бывает от долгой и неудобной позы.

Ксения...

Я все вспомнила. Вспомнила, и меня замутило от осознания потери, от того непереносимого, что булькало в горле и хрипом рвалось из нутра.

Данина неуверенно поднялась.

– Ветряна...

Я стиснула зубы, пытаюсь задавить то, что грозило меня затопить слезами, и повернула голову.

– И чего ты на мне разлеглась, – недовольно спросила мертвая Ксения, уставившись на меня темными, как вишни, глазами. – Ты мне все внутренности своими костями отдавила, кляча полудохлая!

Кажется, я все же заорала. И Данина тоже. В этот же момент в дверь забарабанили, и кто-то из коридора тоже заорал дурниной:

– Эй, что у вас там происходит? Ломайте, дверь! Выносите мертвяков! Несите факелы! И сжечь, сжечь, а не то все мы тут от гнили падем! Пришла погибель наша за согрешения и мысли нечестивые, пришли духи скорби и отмщения...

И пока мы с Даниной тарасились на Ксению, та деловито поправила серую ночную рубашку, впихнула босые ноги в сапоги и распахнула дверь.

– Оо!!! – завыл Аристарх, получивший по носу. – Чур меня, чур!! Умертвие восставшее, нежить, уууу!!!!

За ареем толпились испуганные воспитанницы и привратник, вооруженный колченогим табуретом. За ними кучковались наставницы. На безопасном расстоянии блестела глазами мистрис Божена, и постукивала кончиком хлыста по голенищу сапог Гарпия.

Появление Ксени с распущенными волосами и в длинной, до пят, рубашке на фоне освещенного проема двери произвело эффект взрыва: послушницы завизжали, Аристарх завыл, привратник бросил табурет и дал деру, а наставницы истоиво замахали руками, осеняя себя божественным полусолнцем.

Ксения застыла. Толпа тоже.

– Я извиняюсь, конечно, но что это вы все тут делаете? – изумилась девушка. – И кто тут, простите, мертвяк? – и осмотрелась заинтересованно.

– Ты мертвяк и есть! Нежить восставшая...

– Я? – поперхнулась Ксения и уточнила с искренним участием: – Учитель, вы с ума сошли?

Все как по команде воззрились на Аристарха. С вытянутыми руками, всклокоченной бороденкой и вытаращенными глазами он так точно соответствовал образу скаженного, что Божена не выдержала, хмыкнула. Вслед за ней смешки раздались в тесных рядах послушниц.

– Уме-е-ертвие! – завыл Аристарх не совсем уверенно, особенно напирая на букву «е». Сходство с козликотом стало абсолютным.

Кто-то уже откровенно захихикал.

Резкий властный голос остудил всех, как ушат ледяной воды, вылитой за шиворот.

– Будьте добры объяснить, что здесь происходит!

Мы в едином порыве вытянулись в струночку. Ксения посторонилась, пропуская в каморку высокую и прекрасную в своей ледяной красоте женщину, урожденную графиню, мать-настоятельница нашего приюта, Селению Аралтис Гриночерскую.

В нашем приюте сейчас проживали около сорока воспитанниц. От самых маленьких, пятилетних, до выпускниц. И восемь наставников: семь женщин и Аристарх.

И все мы, как один, испытывали благоговение, переходящее в священный трепет, перед нашей матерью-настоятельницей.

Леди Селения необычайно красива. Высокая, светловолосая, с прозрачными зелеными глазами, похожими на драгоценные изумруды или глубокие воды лесного озера. Кожа ее светла, как снег, брови прочерчены так красиво и тонко, словно их нарисовал художник, губы яркие. И хоть красота ее похожа на красоту острой льдинки, оторваться от созерцания ее невозможно.

Мы одинаково сильно восхищались ею и боялись ее.

– Я жду, – чуть удивленно осмотрев нас, поторопила она.

– Матушка, не губите! – Данина очнулась и бросилась на колени, приложившись губами к тонкой руке в замшевой перчатке. – Воспитанницы хворобой студеной разболелись, вот я и велела их сюда перенести, дабы других не заразить! Три дня их настойками-снадобьями поила, травами обкладывала, смолой окуривала, вылечила! Выздоровливают девочки, скоро ни следа хворобы не останется!

Леди Селения осмотрелась, потянула носом, словно принюхиваясь. На гладком, как алебастр, лице, отразилось недоумение. Она застыла посреди каморки, даже руку от травницы не убрала, словно забыла.

– Врут, – проблеял от двери Аристарх, – чернильную гниль принесли в наш дом, греховницы! Нежить они давно, умертвия! Все тут ляжем, если...

– Тихо, – мать-настоятельница мазнула взглядом ледяных глаз по Ксене, обернулась ко мне. Я постаралась выдержать ее взгляд, хотя, честно, хотелось спрятаться под одеяло. Если бы она стала расспрашивать, боюсь, я бы не выдержала, все ей выложила. И про Зов, и про чернильные пятна на теле Ксении, и про скрытного Данилу... И даже про то, как по ночам хлеб таскаю из трапезной!

«Только не спрашивай, только ничего не спрашивай», – взмолилась я про себя.

Селения еще постояла, раздумывая, и резко отвернулась, взметнув шелковые юбки.

– Арей Аристарх, не говорите глупости! Очевидно, что гнилью послушницы не больны и однозначно живы. Девочки, вы освобождаетесь от занятий до полного выздоровления. А сейчас всем разойтись по комнатам, – сказала настоятельница, не повысив голос, но через минуту толпу из коридора как ветром сдуло! Обиженный арей испарился быстрее всех. Разочарованно щелкнув кнутом и сверкнув глазами, удалилась и Гарпия.

Дверь каморки со стуком закрылась. Данина, кряхтя, поднялась с колен.

– Ошиблась я, – ни на кого не глядя, сказала она, – ошиблась. Видать, не гниль то была...

Я недоверчиво промолчала. Ксения, не умеющая долго молчать и тем более грустить, плюхнулась на кушетку.

– Ох, как есть-то хочется! – воскликнула она. – Целого медведя сейчас бы съела! Живьем! Мы с облегчением рассмеялись, а потом я все-таки заплакала. Не удержалась!

Глава 5

Все же подруга была еще довольно слаба. Чем бы Ксения ни болела, а по молчаливому соглашению мы не обсуждали это, выздоравливала она медленно, словно нехотя. Тело, сгоравшее в горячке, с трудом набирало жизненные силы, к тому же наше скудное довольствие и не способствовало их скорейшему возвращению.

Решено было временно оставить Ксению в каморке травницы, мне же пришлось вернуться в спальню воспитанниц. Когда я явилась туда после нашего трехдневного отсутствия, оказалось, испуганные послушницы во главе с Аристархом сожгли не только все наши вещи, но и постельные тюфяки, белье, и даже кровать привратник порубил топором и пустил на затопку камина. Так что спать мне было просто не на чем. Моего в этой комнате, много лет служившей мне домом, ничего не осталось.

Я не винила девочек – все боятся смерти.

Но вот где мне теперь спать – вопрос.

Пока я растерянно стояла посреди комнаты, а послушницы испуганно жались по углам и косились на меня, явилась младшая наставница Загляда и поманила меня пальцем.

– Пойдем, Ветряна. Матушка распорядилась поселить тебя в синей комнате. Где твои вещи?

– На мне, – пропищала я.

Загляда пожала плечами, мол «сама виновата», и вышла в коридор.

Синей комнатой называли маленькое помещение в левом крыле Риверстейна. Из обстановки здесь были только узкая кровать с жестким тюфяком, прикроватный столик с пыльным глиняным кувшином и пузатый комод для вещей. Стены, в прошлом бежевые с красивым васильковым рисунком, со временем превратились в серо-сизые, облезшие. Зато витражное окошко, набранное из разноцветных кусочков слюды, сохранилось прекрасно. Тусклые лучи осеннего солнца сквозь такое окно казались живыми и задорными, яркими бликами оседая на всех поверхностях комнаты.

В общем, мне понравилось. Тем более что после общей комнаты, которую я всю жизнь делила с десятью воспитанницами, отдельная комната казалась мне невероятной роскошью.

Я постелила свежее постельное белье, протерла окошко влажной тряпочкой и почти счастливая устроилась рядом с ним.

И вспомнила про события в харчевне! И про кольцо!

Сунула руку в карман черного платья Данины, которое так и не передела, и вскрикнула. Серая спираль на шнурке была там, среди семечной шелухи, клочка исписанного пергамента и корешков болотной мальвы, оберегающей от дурного глаза. Лежало себе спокойненько и даже, вроде, ярче стало! Вот гадость!

Итак, будем думать. Что же произошло?

Я была в харчевне. Убежала оттуда, поскуливая, как щенок. У меня в руках оказалось чужое кольцо. Возможно, ценное. Я влипла в неприятности.

Но вот все остальное... мои видения? Галлюцинации? Бред? Возможно. И даже вероятнее всего.

В конце концов, версия, что я задремала, тоже годилась, а кольцо... Я и правда его сорвала с того мужчины! Который, скорее всего, просто подошел к уснувшей девушке за соседним столиком поинтересоваться, все ли в порядке!

Да уж, бедняга, хотел помочь, заботу проявил, а тут я вскакиваю с дикими глазами, срываю с него шнурок, толкаю и с воем бросаюсь к двери!

Ужас-то какой! стыдно!

И что же мне теперь делать? Это кольцо... вдруг оно ценное? Не похоже, конечно, обычная тусклая спиралька, даже не серебро, скорее железо. Потертое какое-то и, я бы сказала, некрасивое. Сделано грубо, без изыска.

Я поднесла его поближе к глазам. Если присмотреться, внутри какие-то символы или буквы, но такие стертые, что и не разобрать. А может, это просто был какой-то рисунок, который почти исчез от времени. То, что железка старая, я не сомневалась.

Так что ценным колечко явно не назовешь, но возможно оно дорого его владельцу, как память? Не зря же он его носил на груди.

Я усилием воли отогнала воспоминание о глазах, из которых струилась тьма. Брр... Пришится же такое, в самом деле. Даже сейчас страх накатывает волной, вызывая у меня дрожь.

Интересно, кто это кольцо носил? Наверное, его возлюбленная. Я мечтательно прикрыла глаза, представляя себе невероятную историю любви, и вздохнула. Наставницы всегда говорили, что я чересчур впечатлительна и романтична. Что есть, то есть...

Кстати, размер у колечка маленький, мне на средний пальчик подошел бы. Я осторожно развязала кожаный шнурок и удивилась. Тусклое колечко, освобожденное от петельки, стало ярче, зазолотилось. Серый металл отчетливо отливал теперь красным. Ну конечно, сижу у окна – вот на металле и отражаются блики красного северного солнца.

Я подняла ладонь, повернулась к окошку, чтобы лучше было видно. Колечко сверкало. А красиво. И почему мне оно показалось безобразным? Я еще полюбовалась и... надела его на средний пальчик.

И размерчик мой... ой! Маленькая серебряная змейка на моем пальце засверкала еще ярче, красный блеск стал почти нестерпимым, тусклый металл стремительно становился золотым, потом красным, потом багряным... По всему колечку отчетливо проступили буквы и символы, которых я не понимала! И самое страшное: маленькая, теперь уже золотая спиралька пошевелилась, один из кончиков увеличился, стал капелькой, и на ней отчетливо проступили... глаза и маленькая пасть с раздвоенным языком! И эта уже живая змейка плотно обхватила мой палец, устраиваясь поудобнее, качнула треугольной головой, посмотрела на меня, и острые клыки впились мне в кожу. Еще мгновение я смотрела на каплю крови, вытекающую из моего пальца, а потом провалилась в небытие.

Я валялась на черном песке преисподни, уткнувшись в него носом.

Умерла? Осторожно приподнялась на локтях, разлохматившаяся коса тяжело упала в песок. Я повертела головой, перевела взгляд на ладони. Правая чуть ободрана, словно я откуда-то снова упала. Да и в теле ощущение удара, грудь и ребра ноют, словно там синяк разливается. Покряхтев, я перевернулась и плюхнулась назад.

Ох, Пресветлая Мать! Что это???

Я сидела на клочке черного, как угольная крошка, песка. Может, правда уголь? Нет, ладони не пачкает и по ощущениям – мелкий песок, утекающий сквозь пальцы. И цвет – столь всепоглощающая чернь, без единого вкрапления другого цвета, что мое темное платье на этом фоне казалось серым и даже белесым. Мой «островок» чуть возвышался над остальной пустыней, и края его ссыпались вниз песчаными водопадами, но не оседали на землю, а словно закручивались в черные воронки, всасываясь в песок. Сероватый, грязный туман рваными клоками стелился над пустыней, передвигаясь с места на место, как привидение. И вся пустыня под этим туманом двигалась, шевелилась, перекачивалась, словно литые мышцы под шкурой невиданного монстра.

Чуть поодаль возвышались огромные силуэты, показавшиеся мне сначала деревьями, но при более длительном рассмотрении оказавшиеся темными каменными изваяниями, похожими на перевернутые и воткнутые кроной в песок вековые дубы. И у основания этих камен-

ных «крон» шевелилась густая, плотная тьма, выползающая иногда в разные стороны щупальцами мрака.

«Корни» же каменных исполинов упирались в бело-серую муть, которая тоже жила и двигалась, как от порывов ветра, хотя никакого движения воздуха я не ощущала.

Здесь не было ни одного другого цвета, только насколько хватало глаз – черный песок, закручивающийся в водовороты, мрак, расплзающийся щупальцами, и серый туман, рванный внизу и густой, плотный сверху.

Линия горизонта отсутствовала, граница, соединяющая верх и низ, размывалась и дрожала, ее невозможно было уловить взглядом и рассмотреть.

И тихо... мертво. Ни шелеста листьев, ни голосов птиц, ни шума ветра. И даже хрип умирающего животного кажется глухим, словно сквозь соломенный тюфяк...

Хрип умирающего животного???

Я вскочила и испуганно обернулась. И чуть снова не упала от увиденной картины.

За моей спиной, в саженях десяти умирал монстр. Длинное, змееподобное тело, утыканное шипами размером с коровий рог заканчивалось вытянутой плоской головой. Четыре глаза, расположенные по форме ромба, подернуты желтой, куриной пленкой. Из пасти вывалился узкий, как жало, сочащийся слизью язык. И кровь, черная, густая, толчками выплескивающаяся на песок и тут же впитывающаяся, не оставляя следов.

Я пошатнулась. Над умирающим монстром стоял его убийца, и по сравнению с ним огромная змея показалась мне безобиднее домашней кошки.

Ибо это было истинное порождение тьмы, демон теней, исчадие кошмарного нечто. Я смотрела на его спину и бок, пока он вытаскивал из змея клинок из синей стали и неторопливо вытирал о его шкуру. Демон с бронзово-черной кожей, расчерченной красно-черными рисунками, под которой двигались стальные мышцы и как канаты перекручивались сухожилия. Черные длинные волосы переходили в короткую шерсть, узкой полосой закрывающей хребет и уходящей под пояс кожаных штанов. Блестящие как у ворона крылья огромными куполами висели над его фигурой, и каждое крыло заканчивался колючим шипом.

Не торопясь, демон обернулся и посмотрел на меня. На голове у него были широкие витые рога, с темно-красными кончиками, и что совсем дико – почти человеческое лицо, только с бронзовой кожей и желтыми звериными глазами, которые сейчас разглядывали меня.

Он сделал шаг ко мне.

Я хотела закричать, но в горло словно насыпали этого странного черного песка, отчего оно сохлось, не в силах произнести ни звука. Демон склонил рогатую голову и медленно, словно прогуливаясь, двинулся ко мне. Вокруг его сапог черной воронкой за клубилась тьма, живая тень ластилась к нему верным псом, окутывая до колен, потом до живота, клоками облепила его тело. Темнота ползла по нему, обнимая, рваным плащом стелясь за его плечами. И в этой тьме облик его менялся, двигался, переливался, как ртуть, в другую форму. И сам он не шел, скользил, будто не касаясь черного песка, не оставляя следов, так стремительно и плавно, как не может двигаться человек. Вроде бы только что он стоял возле змея, и уже – черная тьма рядом со мной, буквально в двух шагах, и кажется, что все расстояние он преодолел одним гибким движением.

Это пугало. Очень.

Возле моего «островка» тьма сползла клочьями, впиталась в песок, развеялась. Передо мной стоял человек. В тех же черных брюках и сапогах, с голым торсом и синим клинком в правой руке. Крылья и рога исчезли, остались темные волосы до плеч, смуглая кожа и глаза с желтым ободком вокруг вытянутого, как у зверя, зрачка.

Я узнала его. Тот самый, из харчевни...

Он рассматривал меня, чуть склонив голову, словно увидел любопытную зверюшку. Я попятилась, инстинктивно выставив вперед руку.

– Не подходите ко мне!– из пересохшего горла прозвучал не яростный крик, как хотелось, а сиплый шепот.

– А то что? – насмешливо спросил он.

Я опешила. Действительно, что? Что я могу сделать-то? Хоть против воина с мечом, хоть против демона? Даже закричать не получается! А если и получилось бы, то очень сомневаюсь, что кто-то поспешил бы мне на помощь. Я устало махнула рукой. И мужчина вдруг напрягся, подобрался, как зверь перед прыжком, и от его ленивого спокойствия ничего не осталось. Он смотрел на мою руку с тусклым кольцом-змейкой.

Я опять пропустила его движение, но в следующий миг он уже нависал надо мной, его руки сжали мои плечи, и я вскрикнула от боли и страха.

– Аргард! Это была ты! Ты инициировала его!

– Не надо, прошу вас! – я сжалась в комок, ожидая удара, привычно втянула голову в плечи и зажмурилась. Но ничего не случилось. Я осторожно подняла взгляд.

Мужчина задумчиво меня рассматривал. Его глаза стремительно меняли цвет, выгорали, желтый ободок расползлся по радужке, делая ее светло-коричневой и прогоняя тьму. Он даже руки убрал. Почему-то стало невыносимо стыдно за свою малодушную, детскую реакцию, я вспыхнула и гордо выпрямилась, высоко подняв голову.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – как можно достойнее сказала я. Голос был сиплым, и я испугалась, что закашляю. Глупая, нашла, чего бояться, сейчас есть проблемы и пострашнее...

– Я случайно сорвала с вас это кольцо. Пыталась оттолкнуть. Я... я испугалась. У меня ведь были причины пугаться, не так ли? – не удержалась я от ехидства. – И, конечно, я тотчас же вам его верну!

И в доказательство подняла руку, собираясь снять колечко.

Змейки на пальце не было. Я растеряно растопырила ладонь, потом вторую... ничего. Святые старцы, неужели потеряла? Уронила в эти черные пески, и «змейка» провалилась в жуткую воронку? Да где же оно!

Мужчина схватил меня за левую руку, дернул, задирая рукав. Жесткая ткань треснула от резкого движения, образуя прореху до самого локтя. И там, у сгиба на бледной коже проступила черная отметина: змея, кусающая свой хвост. Я ойкнула и подняла на него изумленные глаза.

– Что это?

Он задумчиво рассматривал мою руку. Длинные загорелые пальцы прошлились по отметине, чуть касаясь ее. Я дернулась, торопливо поправила разодранный рукав.

Мужчина поднял голову, и на лице его было мрачное и не верящее выражение. Кажется, отвечать мне он не собирался, все еще напряженно что-то обдумывая. Во мне необъяснимо вспыхнула злость. В конце концов, я не виновата, что это чертово кольцо попало ко мне, и сюда не просилась, и вообще – так трудно ответить, что ли?!

– Что это такое? Кто вы? Где мы находимся? – выдохнула я. – Отвечайте!

Напряженное выражение пропало с его лица, и он насмешливо поднял бровь.

– Да, теперь вижу, что Аргард определенно инициирован, – видимо, самому себе сказал мужчина, потому что я ни слова не поняла. И отступил на шаг, рассматривая мои белые, восторженные волосы, худое лицо, старое платье, висящее на мне пыльным мешком...

– Кто бы мог подумать... Человек. Какая насмешка...

Я снова не поняла, но стало обидно, и я вспыхнула до корней волос.

– Кто вы такой?– резко сказала я

– В данной ситуации гораздо интереснее кто ты... Однако... меня зовут Арххаррион. По крайней мере, ты можешь меня так называть.

Я подумала, что вообще никак не хочу его называть, а также видеть и слышать. Но спасибо, что ответил. Я не стала уточнять, кто он такой – побоялась. Поэтому решила сразу перейти к сути.

– Где мы находимся? Я умерла?

Он хмыкнул.

– А ты ощущаешь себя мертвой?

Я машинально потерла ребра, где разливался синяк. Нет, ощущала я себя болезненно живой!

– Тогда что это за место? И как я тут оказалась?

– Это Черта. Стык между мирами, теневая грань...

– Черные Земли! – выдохнула я, внезапно прозрев. Пресветлая Матерь, как же я сразу не догадалась, это же проклятые Черные Земли! Неужели, Зов победил меня, и я пришла?

– Тебя перенес Аргард, – он кивнул на мой локоть. Да, то, что Аргардом мужчина называет тусклое кольцо-змею, я уже поняла. – Он порождение Хаоса и стремится к нему. Особенно после инициации. Но ты человек, и твоя кровь дала ему слишком мало Силы. Или Аргард просто перенес тебя ко мне.

– Вы так говорите, словно это кольцо... Аргард, живое!

– Конечно, живое, – удивился моей глупости Арххаррион. – Аргард – вечный дух. Собственно, он гораздо живее нас!

– Ох... он что, может думать, мыслить?

– Не совсем. Артефакт не обладает сознанием в привычном для нас понимании. Но обладает сущностью, способной на многое.

– И как мне его снять? Вернее... убрать... это? – выставила я локоть.

– Никак. Аргард нельзя украсть, отобрать, взять случайно. Это невозможно. Он имеет власть над событиями, упорядочивает Хаос и окольцовывает Время. Сейчас я не могу забрать его обратно, – мужчина отвернулся. – Аргард выбрал. Ты его инициировала. Пока это все.

Это прозвучало, как приговор. Для меня. Закружилась голова. Черные Земли, змея-монстр, демон, ставший мужчиной и ведущий со мной почти светскую беседу, Аргард... Перед глазами поплыло. Я попятилась. Нога скользнула, угодила в воронку, попала в пустоту. Вскрикнув, я нелепо повалилась набок и упала на черный песок. Как же больно...

Мужские руки бесцеремонно задрали мне юбку и стащили сапог. Потом второй. Я даже не успела стыдливо вскрикнуть. Да и больно было так, что не до стыда. Подвернутая лодыжка отдавала резкой болью, к тому же снова открылись подсохшие рубцы на икрах, щедро заливая кровью ступни.

Мужчина опустил на колено и разглядывал всю эту красоту с таким лицом, что мне захотелось провалиться. Я опять дернулась, когда он положил ладони на мои голые ноги. Поднял голову.

– Тебе надо возвращаться, – спокойно сказал он. – Черта забирает силы, а у тебя и так их слишком мало. Даже странно, что Аргард выбрал столь... неприспособленное тело. Просто насмешка, – и резко полоснув по своим рукам клинком, прижал окровавленные ладони к моим лодыжкам. Крепко, обхватив всеми пальцами, словно хотел сломать.

– Кровь к крови... Сила к Силе. Добровольно. Аарем соо лум...

Я вскрикнула от ужаса. Но боли не было, наоборот – по ногам прошлось жаром, от левой ступни до сердца, перекинулось на правую сторону, мягко обожгло и спустилось по другой ноге.

И прямо на моих глазах края рубцов потянулись друг к другу, нарастая новой бледной кожей, срастаясь и не оставляя даже шрамов! В груди разлилось упоительное тепло, перестали ныть ребра, затянулись ссадины на руках и лице. И я почувствовала себя так, словно выпила

залпом кружку терпкого деревенского вина, стало восхитительно легко и радостно. Сила бурлила в теле, заставляя его петь от счастья!

– Пресветлая Матерь! – выдохнула я. – Как же это чудесно!

И рассмеялась. Архаррион поднял на меня глаза, ставшие темными, как бездна.

– Береги Аргард, – сказал он и толкнул меня в грудь, прогоняя из Черных Земель.

Очнулась я от криков. Думаю, отключилась я совсем ненадолго, так и сидела около окошка, свесив одну ногу и упираясь лбом в оконную раму. Встав, я натянула валяющиеся рядом сапоги и осторожно выглянула в коридор. Там трепыхались по стенам пугливые тени, метались всполохи свечей и бестолково суетились послушницы. И страшно на одной ноте подвывал женский голос.

Я бочком втиснулась в коридор, схватила за рукав пробегающую мимо Поладу.

– Что случилось?

– За Рогнедой утопленница Златоцвета пришла, – жутким шепотом поведала Полада, осенняя себя молитвенным полусолнцем. – Меня за ареем Аристархом послали, чтобы он духа неуспокоенного изгнал и нас всех, грешных, защитил! Ой, что ж делается, Ветряна, это что же делается! Ведь среди бела дня утопленники ходить стали! К живым в гости навещаться!

– Подожди, не кричи, – я поморщилась. – Разыграл кто-то Рогнеду, видимо. Какая утопленница, совсем девчонки с ума сошли!

– Так правда! Сама Златоцвета и явилась, как из пруда в тот день вытащенная! В том же платье и с венком в волосах! Как живехонькая, только лицо-то рыбы и раки съели! Возле ученической подошла к Рогнеде, уставилась своими пустыми глазницами и руки к ней тянет, словно обнять хочет. Та сначала без чувств упала, конечно, а как в себя пришла – в крик.

– А сейчас Рогнеда где?

– Да там же и лежит, возле ученической! Что ж это творится, Ветряна, то гниль, то утопленницы! – и Полада сорвалась с места, почти неприлично задирая для бега юбки.

Я в задумчивости пошла в сторону ученической.

Рогнеда у нас девушка практичная и неглупая, лучшая ученица и любимица наставников. Ни в каких авантюрах и шалостях участия не принимала, демонстративно фыркала на наши проказы и отчаянно рассчитывала после выпуска попасть с хорошими рекомендациями в Старовер.

Оттого тем более удивительно, что она не постеснялась поднять такой крик и вой, а это нашим попечителям ох как не понравится. Да еще и рассказать, что к ней, ни много – ни мало, явилась с того света утопленница Златоцвета! Неужели Рогнеда так испугалась чьего-то розыгрыша, что не подумала о своей репутации? Не побоялась гнева наставников?

Да и кто мог ее так разыграть?

Возле ученической толпилась кучка возбужденных послушниц. Рогнеда, бледная, с остекленевшими глазами, в которых явственно плескался ужас, сидела, привалившись к стене.

Я протиснулась к ней, заглянула в лицо.

– Неда, – позвала я ее детским прозвищем, – Неда, что случилось? Ты меня слышишь?

Рогнеда очнулась, словно из-под воды вынырнула, схватила меня за руку и больно стиснула ладонь.

– Это была она, она! Златоцвета! Стояла тут, в платье белом, на лице склизкие ошметки, и с волос вода капает... А изо рта... Изо рта пиявки лезут!

Послушницы дружно взвизгнули и в страхе осмотрелись.

– А чего она хотела? – спросила я, покосившись на свою руку. Рогнеда стискивала ее так, словно хотела сломать.

– Брошку, – всхлипнула несчастная Рогнеда. – Брошку, которая у меня осталось, когда она утопла. Ну не выкидывать же мне ее было! Я же не знала тогда, что она в том пруду пре-

ставится! А она тут стоит и говорит: «Брошку отдай! На платье приколоть хочу!» А зачем ей брошка, утопленнице-то!!!

Конец фразы девушка прохрипела, безумно вращая глазами и, кажется, собираясь снова упасть в обморок.

– Вот жуть, – выдохнул кто-то за моим плечом. В конце коридора застучали ботинки, и послышался гундосый глас Аристарха, вещающего про греховниц и кару, которую мы все заслужили.

Я поспешила выдернуть ладонь из тисков и обратиться подальше от душеспасительных проповедей. Рогнеда осталась тихо подвывать на каменном полу.

В каморке травницы, куда я заглянула, тихо спала на кушетке Ксения, Данины не было. Я сняла пыльное черное платье и быстро ополоснулась над кадучкой с холодной водой. На ногах засохли кровавые подтеки, но когда я их смыла, никаких ран не обнаружилось. Бледная кожа была совершенно гладкой. Я воровато оглянулась на дверь, задвинула щеколду и быстро рассмотрела себя. Так и есть: ни ран, ни ссадин, ни синяков. Даже все шрамы пропали! А уж их у меня было предостаточно, наставники не слишком берегли наши шкуры! Кажется, никогда в жизни я не была такой здоровой!

Жаль, что в приюте запрещены зеркала, первый раз в жизни мне захотелось внимательно себя рассмотреть.

Я торопливо вытерлась холстиной и натянула на чуть влажное тело свое ученическое платье. Наскоро переплела косу. Надо же, даже волосы, раньше жесткие и сухие, стали мягкими и гладкими! Подруга за время моего купания так и не проснулась, только перевернулась на другой бок. Я подбросила дров в остывающий камин и задумалась.

Колечко снова было на моем пальце. Золотистая змейка с явно различимой треугольной головой и зелеными камушками-глазками, по всей спирали плотно покрытая символами, как чешуйками. Сейчас она совсем не походила на ту тусклую железку, которой была до того, как я надела ее на палец. До того, как она меня укусила.

Я поднесла палец к глазам. Так и есть, два маленьких прокола, как от иголки, с застывшей в ранках капелькой крови. Единственные ранки, оставшиеся на моем теле. Значит, ничего мне не привиделось. И хуже всего то, что кольцо не снималось. Что я только ни делала: стояла с задранной вверх рукой, терла золой, нещадно тянула, чуть не оторвав себе палец, – без толку. Золотистая змейка не мешала, но и слезать с пальца категорически отказывалась, сидела, как вшитая!

В итоге я плюнула, замотала палец тряпицей, чтобы скрыть от любопытных глаз и отправилась обедать.

В трапезной царило взбудораженное возбуждение. В жизни приютских не так часто случается что-то интересное, и произошедшее с Рогнедой обсуждалось смачно, с придыханием и испуганными вскриками. Даже выступление Божены, запретившей об этом говорить и списавшей все на «переутомление от излишнего рвения на ниве учебы и благочестия», не возымело должного действия. Да и сама Божена, непривычно растерянная и вздрагивающая, еще больше распалила наши страхи и домыслы.

Я взяла у дневальщицы миску с грибной похлебкой и присела за дальним столом. Послушницы меня сторонились, поглядывали с опаской. Вроде бы и сказано всем, что нет никакой гнили, а все равно страшно. Да и я свою компанию никому не навязывала, сидела тихонько в уголке и хлебала жидкий суп, заедая сухарем.

За соседним столом расположились младшие девочки, лет по десять-двенадцать. Они сидели, как и я, обособленно и шептались, склонив головы. Я поневоле прислушалась.

– Надо сказать, – говорила курносая заплаканная девчушка. – Надо сказать мистрис Божене!

– Глупая, нельзя никому говорить! – жарко возражала другая, испуганно озираясь. – Ты же слышала, что сказала мистрис, этой выпускнице все почудилось! И если мы расскажем, нас назовут лгуньями! А ты помнишь, как наказывают врушек? Хочешь, чтобы нас опять посадили в подвал, к крысам?

– Ой, нет! – курносая захлопала носом, перепугавшись. – Но ведь нам не показалось, Рокси! Мы ведь с ней разговаривали! И даже два раза! Ничего нам не привиделось!

– Никто не поверит, сестричка! Никто нам не поверит, только хуже себе сделаем. Видела, какие наставницы лютые? Мистрис Бронегода на уроке чистописания без разбору по пальцам хлестала и на горох ставила, как с цепи сорвалась. А Загляда заставила все «наставление отрокам от святого старца Димитрова» к утру выучить, а там букв... за седмицу бы управиться! А кто не сможет, того грозитя в «зачарованную» часовню отправить, от вороньего помета ступени мыть, а все знают, что там неупокоенные духи шалят! Вон, видишь, выпускница за нами сидит, седая вся, это она в той часовне ночь просидела, в наказание за ослушание! Хочешь такой же стать?

Я хмыкнула в кулак. Да уж, не знала, что мною детей пугают.

– Но мы с ней разговаривали... – тоскливо проскулила курносая. – Может, она еще к нам придет? Я по ней так скучаю, по нашей Лане...

– Говори тише! – одернула сестру Рокси и зашептала так тихо, что я уже не могла разобрать слов.

Я отнесла пустую миску дневальщице, напомнила отнести двойную порцию обеда в каморку травницы и кивнула в сторону сестричек.

– А кто эти девочки, что-то я их тут раньше не видела.

– Да как это, – удивилась дневальщица, – сестрички же это, каждый день там сидят, как не видела-то? Раньше-то трое их было, так померла в том году третья-то, от гнили и померла. Веселушка такая была, Ланой кликали... То-то сестрички горевали, плакали!

– Ну, да, точно, – рассеянно улыбнулась я. – Девочки так быстро растут, меняются...

И отвернувшись от недоверчивого взгляда дневальщицы, я вышла из трапезной.

Разговор сестричек натолкнул меня на одну мысль, и так как я все равно была освобождена от занятий, я решила посетить ту самую «зачарованную» часовню.

Глава 6

В детстве нас тоже пугали страшилками про жуткого неупокоенного духа, обитающего в заброшенной часовне. В этом месте каменная ограда разрушилась от непогоды, а восстановить ее так и не удосужились. За стеной стояли колючие кусты можжевельника и дикого рышника, дальше начинался непроходимый ельник, за которым опасно расположились топляки и болота. С этой стороны подойти к Риверстейну можно было лишь по узкой тропинке и то, если знать, где она находится.

Накинув кожух и платок, я отправилась напрямик к часовне. Ксения не любила это место. Говорила, что здесь ей неуютно, а вот мне часовня нравилась. Особенно тем, что здесь было пусто и тихо, можно было спрятаться от любопытных глаз послушниц и недовольных наставниц. Посидеть в тишине на истертых каменных ступенях, поворошить ногой опавшие листья и сухие иголки и подумать.

Сидеть снаружи сегодня было слишком холодно, и я зашла внутрь. За пустой ритуальной чашей стояла старая лавка и громоздилась куча тряпья и соломы, которую складывал сюда привратник, про запас. Я остановилась в дверях, пережидая, пока глаза привыкнут к полумраку, и осторожно двинулась к лавке.

Сквозь дыры в полуразрушенной крыше сочился тусклый свет, освещая истертый алтарь с углублением для свечи и затертую, уже почти не различимую фреску, изображавшую сценку из жизни святых старцев. Причудливая светотень сплела на полу замысловатый узор, как паук – паутину.

И тут куча тряпья зашевелилась.

Медленно, словно раздумывая, потянулись вверх истлевшие тряпки, осыпаясь вниз трухой и гнилой соломой, старый пузатый тулуп, раскачиваясь в тусклом свете, приподнялся и потянул ко мне пустые рукава...

– Ветря-я-я-на...

Я взвизгнула, в одно мгновение стянула с ноги башмак и запустила в оживший призрак.

– А-а-а!– заорал призрак басом. – Ты что, с ума сошла, дурища??? Больно же!

И из кучи тряпья вылез Данила, озлобленно потирая правый глаз и косясь на меня левым.

– У-у... синяк будет! Ты что творишь-то? Как я теперь мамке покажусь, с фингалом?

Она же придирами замучает, решит, что я снова с деревенскими подрался!

Я уставилась на него, поджав озябшую без башмака ногу.

– А зачем ты тут прячешься?

– Так хмырь какой-то мимо ходил, копытами шуршал. Я и схоронился в соломе, чтобы он не засек, да за уши не отодрал.

– Это не хмырь, это наш привратник. И отдай башмак, холодно!

Башмак Данила отдал, но смотреть исподлобья не перестал.

– Зачем ты вообще сюда пришел?

– То есть как зачем? Ты же сама меня сюда зазывала!

– Я тебя зазывала? Когда это?

– Ты что, забыла? – с подозрением уставился на меня парень. – Сама же говорила, что будешь меня ждать на вечерней заре в часовне, около ельника!

Я покачала головой. В его исполнение это звучала так, словно я его на тайное свидание приглашала!

– Ладно, не хмурься. Вот, приложи к глазу медяшку, чтобы синяк не налился. Давай на лавку сядем, только говори тише, а то вдруг тот хмырь... хм, привратник будет мимо проходить. Еще подумает, что мы тут развратничаем.

Данила залился мучительным румянцем, причем разом загорелся от шеи до ушей, как уличный светоч. Я с любопытством воззрилась на это. Никогда не видела, чтобы парни так краснели. Как стыдливая девица перед сватами! Хотя, как я уже говорила, у меня не велик опыт общения с парнями. То есть его вовсе нет.

– Нужно больно... развратничать с тобой! Размечталась! – буркнул он.

– И не собиралась, – чуть обиженно протянула я и отобрала свою медяшку. Вот пусть с фингалом и ходит, раз такой разборчивый!

– Я того... поговорить хотел.

– Ну, говори, раз хотел, – проворчала я.

Парень помялся, не зная с чего начать. Я задумчиво обозревала стену. Потом вздохнула.

– Ладно, рассказывай. Давно ты Зов слышишь?

Парень вздрогнул, напрягся, потом поник плечами, скукожился как старик.

– Две недели, – выдохнул он. – Уже целых две недели...

– А я почти три месяца, – сказала я.

Первый раз я услышала Зов в самой середине лета.

В этом году оно выдалось на редкость жарким. В наших суровых северных краях такого лета не помнили старожилы уже сотню лет. Воздух над полями стоял сухой, трескучий, грозящий вспыхнуть на травах пожаром. С болот тянуло тленом и тяжелым гнилостным духом. Коровы лениво валялись в тени, не выходя на солнцепек пастбища, жалобно ревя от облепивших их слепней и мошек. В Вересковой Пустоши жители каждый день обливали дома водой из лесного ручья, опасаясь возгорания. К середине лета ручей пересох. Даже вечнозеленые сосны пожелтели и поникли развесистыми лапами.

Каменный Риверстейн упрямо хранил прохладу, жадно сражаясь за холодок, словно уставший рыцарь за девицу. Но однажды и он сдался, и жаркая духота по-хозяйски вползла в его коридоры и залы.

Послушницы спали на полу. Соломенные тюфяки нещадно нагревались под горячими телами. Окна приходилось закрывать. В открытую створку тут же устремлялась гудящая туча комарья, которую мы выкуривали, зажигая еловые ветки, и тогда находиться в помещении становилось совершенно невыносимо.

Ксения отвоевала нам место у окна, и мы растянулись на одеяле, пытаюсь уснуть.

В ту ночь я впервые услышала Зов. Протяжный, надрывный, проникающий в душу и поселяющийся в ней натужным страхом. Он жгутом скручивал разум, заставляя подчиниться и поработать. Зов становится владыкой мыслей, властелином чувств, хозяином и господином, которого нельзя слушаться. Он не зовет – приказывает.

Я очнулась в ужасе, хватая ртом воздух, как из трясины вынырнула. Посмотрела на разметающуюся от жары Ксению и покрылась ледяными мурашками.

В Северном Королевстве всегда были те, кто слышал Зов. Это наше проклятие за грехи предков, страшная расплата. Сопrotивляться Зову невозможно, как ни старайся, однажды сломаешься и все равно уйдешь туда, куда он манит. В страшные Черные Земли, где вершат кровавые мессы проклятые колдуны.

Души детей, ушедших по Зову, подлежали отлучению от Ордена, потому что считались они пособниками чернокнижников и мракобесов. В священных писаниях говорилось, что надобно детей не «пускать», запирает в подвалах, прятать, а лучше всего сжечь, дабы не допустить согрешения. До кучи, а также устрашения бесов, желательнее было сжечь и родственников, а ежели дитя, ушедшее по Зову, надумает вернуться, священному огню полагалось предать всю деревню, как обитель греха.

Поэтому, если и был в семье такой ребенок, родители это скрывали и предпочитали говорить, что задрал дитяtko медведь, или к дальним родственникам на учебу уехал. Хотя в это никто и не верил.

Про Зов говорить не принято, чтобы не накликасть. Даже слово это лучше не произносить, дабы не услышали чудовища Черных Земель.

Вот я и не говорила. И Данила тоже.

Мы переглянулись, грустно и понимающе.

– Мамке сказал, что в знахари готовлюсь. Когда совсем невмочь станет и я уйду, пусть думает, что пошел в Старовер в ученики подаваться.

– Так ждать будет, – опечалилась я.

– Будет.

Мы помолчали.

– Как думаешь, это правда, что Зов ведет в Черные Земли? – шепотом спросил Данила. – И ждут нас там проклятые колдуны для страшных своих деяний?

– Я думаю, в мире все совсем не так, как мы привыкли думать. И не так, как говорит Орден, – неуверенно высказала я кощунственную мысль. – Кстати, я уже несколько дней Зов не слышала.

– И я! – обрадовался Данила. – Вчера даже выспался. Не спал половину ночи, боялся – и сам не заметил, как заснул. А проснулся, когда петухи петть начали. И ничего, не было Зова!

– Точно! Так что, может, пронесло? Мы же не знаем, как оно бывает. Кого-то, может, позовет-позовет, не дозовется и того... отстанет!

Данила даже порозовел от радости, посмотрел на меня сверкающими в полутьме глазами.

– Отстанет! – выдохнул он и, расхрабрившись, помахал кулаком невидимому Зову.

– Вот я ему... получит он у меня! Вернее, шиш он получит, а не меня!

Я прыснула от смеха. Данила тоже рассмеялся. Улыбка у него была хорошая, открытая, делающая его совсем мальчишкой.

– Расскажи, что ты знаешь о пропавших детях, – посерьезнела я. – Мне кажется, это как-то связано с... тем самым. Хотя они уходят днем, но ведь тоже пропадают неведомо куда, так?

Радость парня как рукой сняло.

– Не знаю я ничего, – глухо сказал он. – Ничего... только вот...

– Что? Что только?

– Снятся они мне. Вижу, что сидят они в каком-то погребке. Пол земляной, какнора... И страшно им очень. Еще ходит там кто-то жуткий, но его я увидеть не могу. Я вообще так странно там все вижу, словно чужими глазами, то одного ребенка, то другого. Поначалу думал, мерещится, чудится мне, а потом понял, что правда. Как о детях этих узнал. Специально в Загреб ездил, поспрашивал у местных потихоньку, в харчевне покрутился. Мамке сказал, что по знахарству поехал разузнать. А сам – про ребятишек. Так там у местного старосты дочка пропала, десятилетка. Пошла к колодцу воды набрать и сгинула, как не было ее! Уж они ее всем Загребом искали, каждый уголок облазили, во все лазейки заглянули, нет девчонки! Я спрашиваю: а во что одета была? Они: то-то и то-то, в косе алая лента, платок с лебедями батя накануне подарил, шубка рысья... А я такую девчушку в своем сне накануне и видел. Только зарванную, грязную и в той яме. Но платок и шуба, все как сказано.

Я слушала, затаив дыхание.

– Так рассказать надо! Старосте...

– Ага, рассказать! Так меня тут же под белы ручки, да на центральную площадь на костер поведут! Мявкнуть не успею! Как колдуна! Откуда же мне еще такие видения могут быть? Мракобесье... а если еще и про Зов прознают, даже до площади не доведут, на месте пристукнут.

– Да уж, – я загрустила, – тут не поспоришь. Делать что будем?

– Не знаю.

Я осторожно положила руку ему на плечо. Хотелось рассказать больше, но как? Как рассказать о том, что со мной случилось? Данила хоть и хорохорится, но еще мальчишка, не выдер-

жит, сболтнет кому, тогда обоих обережки повяжут. Вместе и будем разжигать собой костер на площади Старовера. Это если до столицы довезут, а скорее у ближайшего дерева упокоят, без церемоний.

– Нам надо подумать, как помочь этим детям, – сказала я. – Данила, возможно, ты единственный, кто может это сделать! Не знаю почему, просто чувствую, что это важно.

– Но как?

– Тебе надо попытаться больше рассмотреть в своих снах. Ты сможешь это сделать? Увидеть детали, мелочи... То, что подскажет, где они находятся и как туда попали.

– Мне это не нравится, – хмуро отвернулся парень. – Я не хочу! Там так жутко. К тому же я не контролирую это. Все случается само собой, иногда я засыпаю и словно попадаю в тело одного из детей.

– Им тоже там страшно и жутко, – жестко сказала я. – Только эти дети на самом деле сидят в яме, а ты нет!

Данила пристыженно отвернулся.

– Я попробую. Попробую рассмотреть больше.

– Вот и хорошо, – сказала я, поднимаясь. Пора было возвращаться, а то еще хватятся меня, искать начнут. Кстати, – вдруг вспомнила я, – у вас в Пустошах не происходит ничего... необычного?

– Вроде, нет, – почесал затылок парень. – Разве что вдовица купеческая вчера чуть избу не спалила с испугу, еле залить успели, хорошо осень на дворе, огонь лизнул только, да и издох. А летом бы и головешек не осталось!

– А что случилось? – заинтересовалась я.

– Да почуялся ей покойный муж сдуру. Блажила на все Пустоши, мол, зашел в сени и кулаком на нее машет, как при жизни махал, особенно спьяну. Баба-то перепугалась, свалилась от страха на пол, лучину сбила. Да пока без чувств валялась, огонь с лучины на одеяло перекинулся, а там и оконные занавеси занялись. Соседка козу только подоила, через огород в избу шла, вот и увидела, как из купеческих окон дым валит! Вытащили купчиху, дом только с одного бока подгорел, а она все плачет, да про покойничка орет! Вот ненормальная! Ладно, Ветряна, бывай! Ты заглядывай, я завтра приду, если получится!

И Данила осторожно выглянул в щель, убедился, что рядом никого нет и, скользнув из часовни, растворился в ельнике.

Я спустилась по истертым ступенькам, размышляя о не в меру ретивых местных покойничках. К вечеру заметно похолодало, северный ветер рассерженно швырял в лицо мелкую ледяную стружку – то ли ледяной дождь, то ли мокрый снег. Звезд не видно, небо затянулось хмурой свинцовой тучей, брюхом цепляющейся за острые вершины сосен. В редких прорехах, как во вспоротых ранах, бледно серебрился молодой месяц.

В ельнике, куда скользнул Данила, лежит густая, плотная тень, и кажется, что кто-то смотрит оттуда на меня, наблюдает. Я поежилась, всматриваясь в темноту. Стало неудобно и страшно.

– Данила? – неуверенным шепотом позвала я.

Тьма не ответила, но словно стала еще плотнее и гуще, мелькнули желтые звериные глаза. Я отпрянула. Волк! Неужели подошел так близко к Риверстейну? И я здесь совсем одна, и глупый Данила убежал через ельник, может, его уже доедает под ближайшим кустом волчья стая?

Задохнувшись от страха, я попятилась, стараясь не делать резких движений. Казалось, что стоит повернуться спиной, и зверь нападет, одним прыжком преодолет разделяющее нас расстояние, плавно, как не способен человек, как...

– Арххаррион, – выдохнула я.

Тьма словно замерла, потом чуть расступилась, позволяя мне увидеть его. Он стоял там, прислонившись плечом к стволу, все те же брюки и сапоги, голый торс. Вместо плаща укутавшись в тень.

Я развернулась и со всех ног бросилась к стенам приюта.

Глава 7

В нашем женском королевстве появится МУЖЧИНА!!!

Эта невероятная новость сорокой разлетелась по Риверстейну, будоража и волнуя наши невинные девичьи сердца ожиданием чуда. Старого привратника и аррея Аристарха за мужчин по умолчанию не принимали. Кто и каким образом первым прознал об этом, не уточнялось. Я подозреваю, что столь сногшибательная новость была банально подслушана в одном из темных закоулков приюта. И уже к утренней трапезе всеобщее нервное возбуждение достигло небывалых высот.

В трапезной я с изумлением обозревала изменения, произошедшие с внешностью послушниц. Вот уж воистину, то, что вложила в женщину Природа, а именно желание быть красивой и нравиться мужчинам, не удалось выбить даже годами стараний суровых настоятелей. Старшие девушки, и особенно выпускницы, преобразились. Приоткрыв рот, я разглядывала красиво уложенные волосы с кокетливо выпущенными локонами, румяные щечки, неумело намазанные розово-красным мхом губки и парадные, собственноручно вышитые переднички поверх привычных коричневых балахонов. То и дело послушницы украдкой разглядывали себя в мутные поверхности столовых приборов и пощипывали для яркости и без того разругавшиеся щеки.

Что за важная птица изволит к нам пожаловать- никто не знал, поговаривали, что из самого Старовера, но кто и зачем – неизвестно. Наставницы заметно нервничали и с удивительным равнодушием смотрели на прихорашивавшихся девиц, не предпринимая попыток пресечь это безобразие.

Зато аррей Аристарх на утренней молитве отвел душу и битый час с энтузиазмом вещал про ждущее нас всех наказание и неминуемую кару небесную, которая свалится нам на голову прямо за порогом святилища. Послушницы покаянно опускали головы и били поклоны, исподтишка поправляя локоны и вплетая в косы ленты. Аррей еще долго потрясал кулаками, грозя неминуемым и страшным возмездием, истово бегал вокруг священного и всевидящего Ока Матери, раздувал щеки и пригоршнями поливал грешниц святой водой из купели. Так что, когда он все же выдохся и затих, молитвенно воздев руки к небу, передние ряды послушниц можно было выжимать!

Я искренне им посочувствовала. Идти от святилища через весь двор под ледяным ветром в мокрой одежде – то еще удовольствие. Сама я никогда не устаивалась чести стоять в передних рядах, в непосредственной близости к Оку, поэтому сейчас была сухой и, каюсь, весьма этим довольной.

Когда уставший Аристарх все же отпустил нас на трапезу, мы вылетели из святилища, как пробка из бутылки с перебродившим вином. Уязвленный такой поспешностью аррей встрепенулся и уже вслед нам завыл про ожидающие нас муки, но я и те, кто успел сориентироваться и дать деру, уже неслись по булыжникам двора, делая вид, что не слышим гневных воплей.

За трапезой я и узнала причину сегодняшнего столь экзальтированного выступления аррея и внешнего вида послушниц.

Даже Рогнеда, вновь невозмутимая и высокомерная, сидела с тщательно уложенными волосами и подкрашенными, хоть и поджатыми губками. И явно пыталась восстановить свой авторитет, так нагло поправленный привидевшейся ей утопленницей Злотоцветой. То, что весь приют лицезрел Рогнеду заплаканной и жалкой, подвывающей от страха на полу в коридоре, жгло ее самолюбие каленым железом. И, похоже, для восстановления собственного влияния, Рогнеде срочно понадобилась жертва. Сегодня она решила выбрать ею меня, предварительно убедившись, что Ксени, способной ответить кулаком в глаз, рядом нет.

– Надо же, – нараспев и громко, чтобы слышала вся трапезная, начала она, уперев руки в бока и презрительно скривив губки, – а наше пугало тоже решило приукраситься! Губки намазала, щеки нарумянила, глаза подвела! Похлеще продажной девки! Никак решила столичного кавалера захомутать? Чтобы потом было что вспомнить?

Я в это время старательно облизывала ложку с остатками каши и поначалу вообще не поняла, что Рогнеда ко мне обращается. Недоуменно повертела головой. Зал трапезной притих в ожидании. Послушницы забыли про свои тарелки, уставившись на меня.

Я тоже озадачилась. С чего это Рогнеда на меня так обозлилась? Ни в каких обозначенных действиях я себя не замечала, с утра привычно ополоснула лицо и впопыхах заплела косу. Новостей о приезде чужака я не знала, так как вечернюю трапезу пропустила, засидевшись с Данилой, а потом была так погружена в свои мысли, что доплелась до кровати и уснула, так и не успев все толком обдумать. Спала крепко, даже не снилось ничего. И Зов меня сегодня ночью не тревожил.

– Или ты на все готова, лишь бы столичному угодить? Надеешься, что он тебя в Старовер с собой заберет?

Я с искренним сожалением отложила ложку. Не наелась. И перевела взгляд на Рогнеду.

– Сдается мне, Рогнеда, – спокойно сказала я, – здесь только один человек так истово стремится в столицу, что ему от перенапряжения призраки мерещатся.

В трапезной раздались глухие смешки. Ревностное желание «первой красавицы Риверстейна» попасть в Старовер не было секретом. А история с причудлившейся утопленницей и сейчас не сходила с языков. Не спорю, говорить так было жестоко, тем более я знала, что не одной Рогнеде «причудился» мертвяк, но она первая начала этот разговор!

Девушка покраснела, потом краска схлынула с ее лица, оставляя красные некрасивые пятна. Похоже, она вообще не ожидала, что тихоня Ветряна способна дать ей отпор, и надеялась на привычную и скорую расправу.

– Мерзавка! – с ненавистью выкрикнула она. – Ты... размалевалась! Как девка! Порочишь своим видом наших наставников и сам Орден! Ты недостойна звания просветителя!

Ого, замахнулась! Или это Аристарх с утра так ее вдохновил?

Я осторожно отодвинула тарелку и поднялась. Выразительно осмотрела ее подкрашенные суримом губы, игривые локоны и цветастую вышивку.

– Мне очень жаль, Неда, – медленно сказала я, умышленно подчеркивая ее детское прозвище. – Но из нас двоих ... размалевалась только ты. Похоже, тебе снова мерещится.

И налив на холстину воды из кружки, я спокойно потерла лицо и перевернула ее, чтобы было видно. Естественно, никакой краски там не оказалось.

Рогнеда шумно выдохнула, пораженно меня разглядывая. Послушницы столпились полукругом за ее спиной, их взгляды начали действовать мне на нервы.

– Да что вы так уставились? – не выдержала я. Полада протиснулась ко мне и потерла мне щеки.

– Эй, ты с ума сошла? – возмутилась я.

– Так нет краски-то? – жалобно сказал она и кинула обвиняющий взгляд на Рогнеду: – Нет! А ты всем уши прожужжала, что Ветряна решила столичного соблазнить и для этого выкрасила у тебя мазила для лица! Врунья!

Я шокировано обернулась.

– Ты! Назвала меня воровкой!!! Да я тебя...

Рогнеда взвизгнула, подхватила свои юбки и вознамерилась убежать. Послушницы возмущенно загомонили.

– Кстати, а откуда у тебя мазила?

Убегать Рогнеда передумала и картинно упала в обморок. Потому что мазила послушникам категорически запрещены, как и зеркала. Я слегка растерянно покосилась на упавшее тело,

все-таки бить лежачего не в моих правилах. Собственно, я вообще раньше никого не била, разве что в детстве, и то с зачина Ксени. Да и не била, а скорее отбивалась, били обычно нас...

Верный Рогнеде кружок послушниц захохотал вокруг павшего лидера, остальные довольно бесцеремонно устали на меня.

– Да с чего она это вообще взяла! Зачем брать ее мазила? Мне-то они зачем? – возмутилась я.

– Теперь, похоже, и правда незачем, – с придыханием сказала Полада и, видя мои непонимающие глаза, протянула мне блестящую оловянную ложку. Я взяла ее с замиранием сердца.

Нет, в выгнутой ее поверхности не отразилось что-то сногшибательное, вроде леди Селении, там, в мутном отражении все еще была я, но... но другая. Слово в мое сизо-бледное лицо влили краски и жизнь, и оттого кожа стала сияющей, губы яркими, под глазами исчезли лиловые круги, а сами глаза засверкали сапфирами.

Зная меня, а краше бледного умертвия я никогда не выглядела, действительно можно было подумать, что я что-то сделала с лицом. Однако, ни одна мазила, хоть деревенские, продающиеся на ярмарках россыпью, хоть столичные, в красивых серебряных коробочках, не были способны дать такой удивительный результат.

К этому же выводу пришли и жадно рассматривающие меня послушницы. И затеребили, задергали, требуя ответить, как я это сделала. Особо не верящие активно терли мне щеки тряпичками, пытаясь найти следы чудодейственных снадобий. Не находили.

Рассказать, что демон в Черных Землях влил в меня целительную Силу, от которой я так похорошела, я решительно не могла и оттого мычала что-то недоуменное и невнятное.

Мои потуги, к счастью, прервала мистрис Божена, объявившаяся в трапезной и приказавшая всем послушницам собраться в холле для торжественной встречи Куратора.

Прибытие столичного незнакомца вновь потрясло собравшихся, и меня оставили в покое.

В холл я просочилась последней и скромно затерялась за спинами, собираясь поразмыслить. Приезд Куратора меня не слишком взволновал. Никаких честолюбивых планов, как Рогнеда, я не питала, после распределения вполне готова была удовлетвориться ролью младшего просветителя в каком-нибудь затрапезном городишке, куда меня отправят. Единственное мое пожелание – это распределиться вместе с Ксеньей, но даже если бы этого не произошло, а вернее, если бы Гарпия этого не допустила, весьма вероятно подгадив нам напоследок, мы с подругой договорились после года обязательной практики встретиться в Загребе и там уже самостоятельно определить место дальнейшего служения Ордену.

Это если к выпуску я все еще буду здесь, а не в Черных Землях кормить собою жертвенный алтарь чернокнижников. Или утробу собратьев того змее-монстра, которого разделал демон. Или самого демона...

Меня повело от нахлынувшего животного страха и отчаяния. Что же делать? Я даже не знала, как относиться ко всему произошедшему, не то что выход искать! Я не сошла с ума, это доказывает мое изменившееся лицо и тело, с которого исчезли все шрамы, да и слишком все было реально, чтобы посчитать это плодом моего воображения.

Единственная отрада, Зов прекратился. Правда теперь я не знала, что хуже, Зов или все... это!

Задумавшись, я пропустила момент прибытия столичного куратора. Хлопнула входная дверь, со двора эхом донеслось лошадиное ржание и бормотание привратника, по необходимости становившегося конохом, и по каменному полу уверенно прошагал мужчина.

Послушницы в едином порыве издали слаженный: «О-о-о-ох».

Я осторожно высунулась из-за чьей-то спины, но обзор закрывали юбки и игривые банты передников. Я рассмотрела только высокие черные сапоги и штаны из оленьей кожи. По крайней мере, без пуза, заключила я. Две весны назад к нам тоже заглядывал с проверкой столич-

ный Куратор, пузатый, холеный, с вытаращенными рыбьими глазами. Правда, послушниц он своим вниманием не удостоил, пообщался с наставницами, отобедал и уже утром снова отбыл в столицу. Но даже того «Пузана» девочки упоенно обсуждали целый месяц. Этот, думаю, продержится «темой дня» не меньше.

Послушницы зашушукались, спокойный мужской голос обменивался приветствиями с настоятельницами, что-то заблеял Аристарх. Я снова впала в задумчивое оцепенение. Как же мне не хватает Ксени! Хотелось все ей рассказать, поделиться, вместе мы наверняка что-нибудь придумаем! Но подруга слаба, беспокоить ее Данина категорически запретила, а на меня травница поглядывала как-то боязливо, так что появляться в ее каморке лишний раз я робела.

А еще надо как-то улизнуть с вечерней молитвы и пробраться в часовню, встретиться с Данилой. Может, ему в голову пришло что-нибудь дельное, или он смог рассмотреть в своем «сне» детали места, где держат пропавших детей.

По тесным рядам послушниц волной прокатилось волнение, все задвигались и, как морская вода перед острой глыбой льда, расступились. И столичный куратор оказался передо мной, уставившись злыми зелено-карими, как скорлупа дикого ореха, глазами. Я испуганно воззрилась на него.

Теперь я поняла, отчего было это единодушное женское «О-о-о-ох!». Мужчина был молод и красив. Высокий, подтянутый, с сильным тренированным телом и жестким, но привлекательным лицом. Короткие темно-русые волосы, уложенные по столичной моде, твердый подбородок, злые глаза и рука, красноречиво обхватившая рукоять меча.

Кажется, новый куратор собрался меня прирезать!

Я растерянно хлопала на него глазами, напрочь забыв о положенном реверансе. Да и глупо как-то склоняться в реверансе перед тем, кто собирается отрезать тебе голову! Ну, разве чтобы облегчить убийце задачу. Властный окрик леди Селении вывел меня из ступора.

– Ветряна Белогорская! Вы забываетесь! Где ваши манеры?

Я опомнилась и неуклюже присела, не спуская с мужчины настороженного взгляда. Мать-настоятельница оценила мои старания чуть презрительным изгибом красивых губ. Ну, простите, я никогда не отличалась особой грациозностью!

– Это одна из ваших воспитанниц? – мрачно спросил мужчина.

– Да, лорд Даррелл, – откровенно удивилась леди Селения, не понимая, чем вызвано столь агрессивное внимание ко мне. – Ветряна Белогорская обучается в приюте с пяти лет и в этом году пройдет посвящение Ордена.

– Вот как, – лорд все так же мрачно меня рассматривал, мне от этого взгляда стало откровенно не по себе. Спасибо хоть руку с рукояти меча убрал, – ну что ж...

И, резко развернувшись, ушел к настоятелям. Я ошарашенно посмотрела ему вслед. Селения тоже, потом недовольно – на меня, и грациозно поспешила за мужчиной. Стоявшие рядом и ничего не понимающие послушницы на всякий случай отодвинулись от меня подальше, образовав вокруг моей жалкой фигуры зону отчуждения.

Я гордо вскинула голову, стараясь не расплакаться и мечтая поскорее оказаться отсюда подальше. Желательно, на другом конце земли. Собственно, в этот момент я даже согласилась бы на Черные Земли, там хоть и водятся страшные змееподобные монстры, но зато никто не смотрит с таким брезгливым недоумением. Рогнеда от радости чуть ли не аплодировала. Правда, под моим взглядом скисла, скривилась и отвернулась.

К счастью, задерживаться в холле куратор не стал, мазнул еще раз взглядом по рядам послушниц и ушел, увлекаемый настоятельницами. Холл сразу же взорвался от женских голов, девочки загомонили, спеша поделиться впечатлениями с товарками, я же незаметно скользнула к дальнему входу и выскочила в коридор. И только здесь, в холодной и сырой «кишке» Риверстейна, злые слезы все-таки обожгли мне глаза. Единственное, что утешало, это – недолговечность пребывания у нас кураторов. Думаю, и этот к утру отбудет. Мрачное

и скудное «гостеприимство» приграничья не прельщало столичных визитеров. Хвала святым старцам!

Однако, как я заблуждалась!

К обеду мы узнали, что куратор не только не собирается в ближайшее время возвращаться в город, но и намерен провести в Риверстейне гораздо больше времени! Это сообщение посеяло в рядах послушниц панику, мы не знали чего ожидать, и даже настоятельницы рассеянно и невпопад отвечали на наши робкие вопросы.

Более того, у нас, выпускниц, вводился дополнительный предмет – «история создания Ордена», и вести его собирался самолично столичный лорд! Подобная странность вызвала шквал многозначительных пересудов, как среди послушниц, так и среди наставниц, однако куратор предъявил все необходимые бумаги, а от домыслов лишь отмахнулся. Нашим попечительницам со вздохом пришлось принять незваного гостя, как неизбежность.

Мы же недоумевали, к чему нам еще один урок, тем более что историю Ордена все изучают на младших курсах, да и вообще более-менее знает каждый житель страны. Но, понятно, свои вопросы держали при себе.

На правах «больной» на занятия я не пошла и сбежала поболтать с Ксенией, но она снова спала, и я, расстроенная, отправилась в часовню. Надеюсь, хоть Данила явится.

Но сын травницы так и не пришел.

Я напрасно просидела до ночи на холодной лавке, с надеждой поглядывая на дверь и подпрыгивая от шорохов. Даже вечернюю трапезу пропустила. Когда тусклый свет, проникающий сквозь дыры в крыше, стал совсем призрачным, я смирилась и вышла на ступеньки.

Темный ельник казался чернильным пятном с выступающими силуэтами колючих веток, монолитным и непроходимым. Мутный свет месяца цеплялся за его иголки и бессильно растворялся, не достигая земли. Над разрушенной оградой кружил беззвучно ворон, с подозрением позыркивая на меня. Парочка его собратьев уселись на каменных столбах, склонив в мою сторону головы с горбатыми черными клювами. Я опустила на потрескавшиеся, выщербленные ступени часовни и натянула на голову капюшон плаща.

Маленький сгорбленный безжизненный силуэт.

Стало так невыразимо тоскливо, что захотелось выть. Я подумала, что хоть закоченной я тут от холода, никто не бросится меня искать и спасать. Накатило ощущение собственной ненужности, и я закрыла лицо ладонями, сдерживая позорный скулеж. Вроде давно уже привыкла к своему сиротству и смирилась с ним, а вот надо же... накатило горечью, оставляя во рту противный, тошнотворный вкус, застучало обидой в висках.

Самое страшное, что даже воспоминаний нет. У Ксени хоть это осталось, теплая живая память о погибших родителях и бабушке, моменты, которыми можно согреться в такие вот холодные ночи.

А у меня что? Только Риверстейн. До него – пустота. Неоткуда брать силы, неоткуда черпать радость, нечем утешаться.

Горечь стала невыносимой, сердце жгло невыплаканными слезами. И следом пришла злость. Злость на неведомых родителей, которые бросили меня, отказались. Кем были эти люди? Чем маленькая пятилетняя девочка так прогневала их, что ее оставили у каменного забора Риверстейна и ушли, не оглянувшись?

Злость на судьбу, сделавшую меня послушницей в приюте Ордена, а значит – бесправной и бессловесной. Мне не на что надеяться после посвящения, кроме как на годы нудной, тяготивной работы на благо Ордена, без семьи, без детей, без своей жизни! Из утешения – только книги, да и те столь дороги, что нищей просветительнице вряд ли они будут по карману!

Традиционно просветителями Ордена становились сироты, которым некуда было деваться, добровольно такую участь мало кто выбирал.

Хотя, о чем я переживаю! Даже такой незавидной доли мне не светит! Пусть не сегодня, так завтра вернется Зов, и не будет у меня сил противиться ему.

И пропавшие дети погибнут, так и не дождавшись помощи, падут жертвой неизвестного и страшного убийцы, потому что я понятия не имею, как им можно помочь и где искать!

Все-таки я заскулила. Оторвала лицо от ладоней, запрокинула голову и заскулила. Ворон на ограде наклонил клюв, внимательно рассматривая меня.

– Пошел вон, – прошептала я. Черная птица продолжала смотреть, чуть повернув продолговатую голову, словно прислушиваясь. Я разозлилась.

– Убирайся отсюда! – яростно выкрикнула я.

Ледяной порыв ветра белесой петлей, как плетью, смел птицу с ограды и крылом ударил о землю. Белая крошка метели неожиданно закружилась вокруг часовни, завыл ветер, закружились льдистые бураны, и снег глухим маревом повалил с неба.

Какое-то время я, открыв рот, смотрела на столь внезапно разыгравшуюся непогоду, а потом побрела к слабо светящемуся в темноте Риверстейну. И его сомнительное тепло вовсе не казалось мне заманчивым.

Первый раз я сбежала в лес уже через одну луну после появления в Риверстейне. Огромное здание с кривыми гулкими коридорами и узкими окошками-бойницами пугало меня, поселяя в душе тревожную маяту и звериный страх. Каменные стены душили, не давали уснуть, смыкали страшные объятия. Они казались мне мешком, в котором мелко копошились глупые, попавшие в ловушку люди.

Скользкие витые лестницы вызывали головокружение, и я поскуливала от страха каждый раз, спускаясь по ним. Пыталась зажмуриваться, но идти по истертым каменным ступеням, не видя их, было еще страшнее. Даже когда я просто стояла на них, мне уже казалось, что я лечу в пропасть.

Длинный и узкий коридор чудился мне нутром страшной птицы, сожравшей меня и пытавшейся переварить.

Риверстейн страшил меня, вызывал оторопь – но еще больше я боялась населяющих его людей. Я не знаю почему, но черные чепцы наставниц, коричневые балахоны воспитанниц, чадящее кадило Аристарха, непонятные заунывные звуки молитв, а главное – лица, острые, худые, запуганные или злые, вызывали во мне тошнотворную волну паники, от которой я не знала куда бежать.

Конечно, я была не первой «дичкой», попавшей в Риверстейн. Девочки, привозимые сюда, все остались сиротами и, кто меньше, кто больше, поначалу дичились и пугались. Но даже на их фоне я казалась скаженной, зверьком забивалась в углы и щели и глазела оттуда. Конечно, меня сторонились. Даже воспитанницы побаивались связываться с новенькой, которая ни с кем, кроме Ксени, не общалась, только зыркала странными своими глазами из-под нечесаных белых косм. Моя внешность была необычна, а поведение слишком странным, чтобы вызвать хотя бы сочувствие.

Поначалу воспитывать меня привычными методами наставницы опасались, не зная кто я и переживая, не объявится ли за мной любящий родственник или родитель. И потому особо не трогали, кормили, выделили тюфяк в общей спальне.

По ночам я плакала, кого-то звала, но наутро не помнила своих кошмаров, а воспитанницы смотрели косо и жаловались наставницам. Правда, потом Ксения разбила нос самым активным ябедам, и те стали терпеть мои ночные подвывания молча.

Но когда луна на небе налилась полнотой, округлилась, все поняли, что никто за мной не придет. И за первую же «дикость», а именно – мое непонимание, зачем нужно подставлять пальцы под хлесткий прут, если можно спрятать их за спиной и забиться в угол, откуда не достанут, меня отправили в подвал на перевоспитание.

Если в Риверстейне я чувствовала себя как в ловушке, то каков же был мой ужас оказаться в сырой яме, где не было окон, а только стылый утопанный земляной пол, склизкие от влаги стены и запах крыс, загадивших подвал.

Да и сами крысы полубопытничали, высунули подрагивающие носы с топорщащимися усами из своих узких лазов, повели длинными мордами, осматривая «гостью». Или обед?

Когда наставницы решили, что на первый раз достаточно, и тяжелая, обитая чуть проржавевшим железом, но все еще крепкая дубовая дверь открылась, я вылетела в образовавшую щель похлеще той крысы и как зверек прокусила до крови руку Гарпии, пытающейся меня удержать.

Даже не помню, как я неслась по лестнице, как выскочила в коридор и за дверь, очнувшись уже возле каменной стены ограды. Но и она не удержала меня. Я учуяла пролом прежде чем увидела, пролезла в дыру и что есть мочи припустила между деревьев. Мшистые холодные валуны и разлапистые ели были мне милее высоких стен Риверстейна, который хищной птицей наблюдал за моим бегством и, казалось, сейчас встряхнется, взмахнет черными крылами и кинется за беглянкой.

Но, конечно, Риверстейн остался на своем месте, а я заползла хорьком под склонившиеся до земли колючие ветви, закопалась в осыпавшуюся желтую хвою и затихла. Сквозь тонкие иголки лениво сочился тусклый осенний свет, успокаивая меня, сосны тихо шептались, склонялись макушками, остро пахло смолой и меня отпускало.словно камень-валун, придавивший грудь, становился поменьше, истончался, ссыпался песком...

Я уснула.

И проснулась не от собственного крика, а от беличьей возни над ухом. Белка, еще не сменившая наряд на рыжий, и кусками серая, отчего казалась какой-то куцей, деловито рылась в хвое, то ли проверяя свои запасы, то ли пряча новые. На меня она косилась с опаской, но без испуга, видимо не принимая жалкую кучку, свернувшуюся в лесном шатре, за нечто, представляющее опасность.

Какое-то время я еще наблюдала за ее сосредоточенной мордочкой и проворными лапками, потом потянулась, разминая озябшее и затекшее тело. И выбралась из-под гостеприимной ели.

Конечно, в Риверстейн я вернулась. Я хотела остаться в лесу, но жить в нем не умела. Наставницы очень удивились, увидев меня. Воспитанницы сбились кучкой, рассматривая мои грязные коленки и ладони, одежду и волосы, в которых запуталась хвоя. Все были уверены, что глупую девчонку съели в лесу волки, и даже не пытались меня искать, рассудив, что на все воля Пресветлой Матери. На вопросы, где была, я пожимала плечами. Мне не обрадовались, но и выгнать не решились. Оставили в приюте до приезда вестника, надеясь, что тот решит, что делать с подкидышем. Но зима настала неожиданно быстро, дороги приграничья замело снегом, покрылись корками топкие озерца, и вестник прибыл только к весне...

И то махнул равнодушно рукой, мол «мне-то девчонка на что, воспитывайте...» Да и матушка-настоятельница пожала плечами, живет – не выгонять же...

Я же за зиму как-то освоилась, да и обитатели Риверстейна ко мне привыкли. Не полюбили, просто смирились с моим присутствием, как смиряется человек с досадной осенней хлябью или женщина – с первой обидной сединой. Вроде и не хочется, и страшновато, а куда ж денешься? На все воля Пресветлой Матери...

Обитатели Риверстейна боялись леса, сторонились, прятались за каменными стенами. Мне же, напротив, его стены казались ловушкой, и лишь за оградой я чувствовала себя вольготно. И как ни странно – в безопасности. Голоса диких зверей, повергавшие в ужас воспитанниц и заставлявшие наставниц обносить голову защитным полусолнцем, я слушала, как песню,

и мне они нравились гораздо больше унылых песнопений Аристарха. Впрочем, об этом мне хватило ума умолчать, а то подвалом дело бы не ограничилось. За такие признания и к обе-режникам угодить можно, и на костер.

Я слушала лес молча. И все так же сбегала в него в минуты отчаяния.

Даже Ксения меня в этом не понимала. Ужаса перед ельником и его обитателями она не испытывала, но крепкая деревенская ее разумность подсказывала подруге, что и шляться там особо не стоит, особенно по весне, когда вокруг полно оголодавшей после зимы живности.

И я не могла ей объяснить, почему меня туда тянет и почему я не боюсь. Я и сама не знала. Просто темный ельник дарил мне ощущение защищенности, в отличие от высоких стен Риверстейна.

А лес напирал на здание со всех сторон, нависал колючими мощными ветками над камен-ной кладкой ограды, ветвился узловатыми корнями, выползая из-под земли во дворе, рассеи-вал легкие крылатки семян и прорастал по весне тонкими детками – сосенками. Словно брал в кольцо нахохлившееся здание, как всем казалось – угрожая, а мне чудилось – оберегая...

Я не боялась лесных жителей, а они – меня. Наблюдать за их деловитой жизнью было для меня такой же отдушиной, как и чтение книг.

Как-то мне довелось повстречать на лесной тропке росомаху.

Была ранняя осень, и я снова удрала, выбралась через дыру в каменной стене, скинула там же ботинки и босиком пошла по чуть сырой хвое и привядшей траве. Босые ноги ступали неслышно, осторожно, сами выбирая дорожку, обходя мелкие ямки, наполненные влагой. А шершавым шишкам ступня только радовалась. Я привычно трогала руками липкие стволы сосен, обнимала их, стараясь не думать, как будут ругать меня наставницы за испачканное смолой платье.

На лесной полянке за мелким илистым озером буйно росли морошка и черника, и я, наобнимавшись с деревьями, направилась туда, надеясь найти поспевшие уже ягоды.

Низкие кустики черники, зеленые сверху и усыпанные тугими ягодками снизу, под листочками, густо покрывали мшистую опушку. Кое-где ступни проваливались во влагу, но я не обращала внимания, лишь поддергивала подол, чтобы не сильно испачкался. Наевшись и целиком перепачкавшись сочной ягодой, я прикидывала, во что бы собрать их, чтобы порадо-вать Ксению. И поняла, что застывший силуэт – вовсе не очередной мшистый камень, а боль-шой замерший зверь, с длинной темной мордой, короткими прижатыми ушами и коричневым телом на мощных лапах с острыми черными когтями.

Я затаила дыхание, черная ягода кислинкой разлилась во рту.

Зверь застыл, разглядывая меня, повел настороженно носом. И неловко повалился набок. Из-под лопатки росомахи торчало древко арбалетной стрелы с черным наконечником. Хрип-лое дыхание зверя долетало до меня, глаза смотрели... просяще?

Я не понимала, откуда во мне это странное ощущение сожаления и неправильности, гру-сти по смертельно раненному животному и желание подойти к нему.

Для чего?

Умом я понимала, что нельзя приближаться к зверю, и все же мне настойчиво казалось, что он зовет меня, просит о чем-то... Но о чем?

Я, страшась, сделала шаг к зверю. Во мне крепла странная уверенность в правильности моих действий и убежденность, что росомаха не причинит мне вреда. Длинные загнутые когти скребли землю, пасть была оскалена от боли, кровь черными толчками заливала шкуру. Но я не чувствовала страха...

Темные бусинки звериных глаз неотрывно следили за мной, и я остановилась в двух шагах, засомневавшись. Что я могла сделать, как помочь?

Я все же решилась, приблизилась, опустила колени во влажный мох и провела рукой по мокрой от крови шкуре. Стрела застряла глубоко и сидела крепко, не вытащить.

Я растерянно посмотрела на свои испачканные кровью и грязью ладошки, потом положила руку на голову зверя. И, не задумываясь, пожелала, чтобы его мучения прекратились. Хриплое дыхание благодарно оборвалось под моей рукой.

Не знаю, сколько я так просидела, перебирая коричневый мех, только платье стало мокрым от напитанного влагой мха. Я вытерла набежавшие слезы, поднялась и потихоньку пошла вглубь леса, забыв про лист с черникой.

Мне было семь лет.

Со временем я привыкла жить в Риверстейне, смирилась с его высокими глухими стенами и даже полюбила их. Все же, была в старом здании своя мрачная прелесть, и потом, это единственный дом, который у меня был.

С годами я научилась существовать в том мире, в котором я жила, утешаться книгами и маленькими радостями обитателей приюта.

И почти перестала убегать в лес.

Только в душе осталась непонятная тоска по простору и ощущение неправильности моей жизни, чего-то утраченного и забытого. Но, как ни силилась я вспомнить, мне это не удавалось.

Глава 8

Спала я плохо. Снежный буран, налетевший на приграничье ночью, разыгрался не на шутку. Ветер выл в печных трубах, как целое сонмище обозленных духов, и грозился выбить жалобно дребезжащие под его напором слюдяные стекла. Казалось, рассерженная природа вознамерилась снести с лица земли в чем-то провинившийся Риверстейн, яростно швыряя на его стены комья ледяного снега, выдирая столетние осины у ворот, и в щепки разнося привратничью. Сам привратник благоразумно успел укрыться за каменными стенами приюта.

Непогода так зверствовала, что к полуночи никто не спал, и большинство обитателей замка истово молились о спасении своих грешных душ. Только к утру буря стала ослабевать, порывы ветра потеряли ярость и мощь, а выюга поредела до жидких ледяных завихрух, кружащихся у стен.

Неудивительно, что проснулась я совершенно разбитая, с чугунной головой и слабостью в ногах. Моя передышка для выздоровления закончилась, о чем сообщила мне вечером младшая настоятельница, так что с утра я потащила на занятия. Благо хоть ежедневную пробежку Гарпия сегодня отменила, а то не миновать бы мне хлыста.

Первым уроком значился нововведенный предмет, с преподавателем лордом Дэроллом. Я постаралась затеряться на задних рядах и не показываться на глаза куратору. Слабым утешением для моего самолюбия послужило то, что на занятие мужчина явился с перемотанной тряпицами левой кистью: похоже поскользнулся на обледеневших подъездных дорожках, а может, свалился с истертых ступеней лестницы.

Впрочем, что бы с ним ни приключилось, сочувствовать ему я точно не буду. Тем более что желающих пожалеть красивого лорда и так тьма-тьмуца. Вон та же Рогнеда уставилась на него, как кот на карася. Совсем не подобающе скромной послушнице уставилась! Ну, да то ее дело.

Я неторопливо расставляла письменные принадлежности, вполуха слушая куратора.

– Ветряна Белогорская!– я мысленно застонала. – Может, вы поведаете присутствующим основные постулаты нашего Ордена?

Но почему я?

Вопрос был легким, даже Ксения, редкостная противница каких бы то ни было знаний, и то была в курсе основных постулатов. Что уж говорить обо мне, книжной мыши, как величала меня подруга.

Я без запинки протараторила постулаты, надеясь, что после этого от меня отстанут. Но не тут-то было.

Скривившись, как от кислых шей, куратор потребовал осветить вехи становления Ордена. Воспитанницы заворочались, прячась за пергаментами. История нашего Ордена была терниста и запутана, но если в общих чертах, то дело обстояло так: в незапамятные времена землю нашу населяли страшные чудовища и демоны. Невиданные монстры были не только ужасны, но и обладали сверхъестественной силой и магией, подпитываясь за счет людей. В основном чудовища людей ели, ну или творили всякие гнусности и непотребства. И все это продолжалось до тех пор, пока людям это окончательно не надоело и, собравшись всем миром, они не пошли войной на демонов, а после долгих и кровопролитных сражений не изгнали их за Черту. Великая Мать, Святая Дева была столь чиста и невинна, что смогла запечатать Черту своей кровью, создав несокрушимое ограждение для мира монстров, пройти через которое они были бессильны. Там, где пролилась священная кровь святой, почва загорелась и сотлела, превратившись в Черные Земли.

И воцарились мир и благоденствие. Пресветлая Мать дала жизнь первому правителю объединенного королевства людей, оттого и звалась Прародительницей. Наши правители, потомки

Великой Девы, несут в себе толику той самой первой святой крови и считаются хранителями Черты. Без них наш мир обречен на новое вторжение демонов. Если это случится, всех людей, несомненно, ждет страшная и мучительная смерть.

Последователи Матери-Прародительницы, святые старцы, были призваны, чтобы поддерживать и укреплять долг каждого по охране нашего хрупкого мира от мира магии и чудовищ. После посвящения в Оке Матери, купания в круглой купели с ледяной водой, которая есть в каждом святилище, послушницы становятся «просветленными и зрящими истину» и отправляются в поселения нести свет знаний людям.

Вот, собственно, и все, что я рассказала, по возможности проникновенно. В ученической повисла благоговейная тишина. Благоговели послушницы, понятно, не перед моим рассказом, а перед подвигом Матери-прародительницы.

Я пристально рассматривала чернильницу, опасаясь поднять глаза на куратора. Молчание затягивалось. Нерешительно подняв голову, я удивленно воззрилась на мужчину. Удивленно, потому что была уверена, что столичный лорд сейчас расхохочется на весь Риверстейн, такие смешинки били чечетку в его ореховых глазах!

Но, конечно, мне показалось. Вряд ли куратора из Старовера могла рассмешить история Ордена. Естественно, лорд Даррелл не рассмеялся, даже не улыбнулся, однако все так же молча продолжал меня рассматривать. Я замялась, не понимая, можно ли мне уже сесть или будут еще вопросы.

– Хорошо, – угрюмо бросил он. – Садитесь.

Я свалилась на лавку, чувствуя, как дрожат коленки. Но, хвала небесам, на сегодня от меня отстали. Старательно записывая то, что он рассказывал потом, я не поднимала глаз, но всей шкурой ощущала тяжелый взгляд нового куратора, и от этого взгляда мне становилось страшно.

К обеду в трапезную явилась Ксения. Бледная и слабая, она все же пришла и, решительно отмахнувшись от вопросов послушниц, присела рядом со мной.

Я радостно вскрикнула и обняла подругу. На душе сразу стало легче и веселее, хоть я и не собиралась пока обо всем ей рассказывать, опасаясь Ксению нервировать. Но отделаться от вопросов настойчивой подружки было не так-то просто, поэтому я махнула рукой и решила все ей выложить.

Мы схоронились в маленьком закутке левого крыла, в котором прятались по детству.

Начинала я неохотно, «со скрипом», но потом разговорилась, даже кое-что изобразила в лицах. И все-все ей выложила: про тусклую змейку – Аргард, про Черные Земли, про терзающий меня Зов и пропавших детей. И даже про Данилу и его «сны».

Несдержанная Ксения слушала на удивление молча, ни разу меня не перебила, только губы кусала от беспокойства.

На последних фразах я выдохлась, захлебнулась и умолкла. Ксения же рассматривала кольцо у меня на пальце.

– Ты не думаешь, что я сошла с ума? – жалобно спросила я.

– Конечно, нет, – удивилась подруга. – И потом, я помню, бабушка рассказывала мне сказки... Вернее, я думала, что это сказки. Про магов, населяющих наши земли, про волшебство и дивных существ... Возможно, не все в этих сказках выдумка. В любом случае я верю, что с происходящим надо разобраться.

– Да, но как? – беспомощно спросила я. – Что мы можем сделать?

Ксения похлопала меня по спине.

– Давай не будем бежать впереди кобылы, а поедем в телеге... Куда-нибудь да приедем. Надо найти этого твоего Данилу и поговорить с ним, может, что путное и придумаем. А сейчас

идем на чистописание, пока нас не кинулись искать. Кстати, этот рогатый, может, и со мной силенками поделится? Тоже расцвету аки роза!

И мы дружно захихикали.

На урок Ксения не пошла, свернула в каморку Данины. Я забеспокоилась, что все ей выложила, а ведь хотела не беспокоить! Вон бледная какая, слабая...

Но подруга успокаивающе мне подмигнула.

– Что ж это я по доброй воле обучаться пойду? Да никогда! Лучше еще поболее!

Но я видела, что чувствует себя Ксения плохо, выздоравливает медленно. Хотя, чему я удивляюсь, прошло так мало времени, пара дней всего. Однако от разговора мне стало веселее. Ноша, разделенная на двоих, становится вдвое легче. А если считать и Данилу – моя оказалась поделена на троих. Спрашивать о парне у травницы я побоялась, чтобы она не забеспокоилась, да и чем объяснить свой интерес? И все же, почему он не пришел? И смогу ли я сегодня улизнуть в часовню?

Так ничего и не придумав, я отправилась на урок чистописания.

Мистрис Бронегода сегодня была удивительно рассеянной. Похоже, прибытие столичного куратора внесло порядочную сумятицу в размеренную жизнь Риверстейна. Настоятельница принарядилась. Парадный чепец, сиреневое платье, лицо благостное, а сама она вся сладкая и тягучая, словно патока. Даже подозрительно.

Как оказалось, подозрения мои были не беспочвенны. Только мы разложили на столах тетради и обмакнули перья в чернильницы, дверь распахнулась, и в ученическую явился лорд Даррелл собственной персоной. К сожалению, только я была против его присутствия на уроке, хотя благоразумно об этом промолчала. Остальные послушницы заметно оживились, выпрямили спинки и кокетливо надули губки. Для них скучнейший урок стал развлечением.

Единственная, кто разделял мое негодование, – мистрис Бронегода. Ей совсем не нравилось вести занятие под пристальным вниманием проверяющего. Однако деваться ей было некуда, и она, поскрипывая недовольно зубами, начала диктовать. Перья заскользили по пергаменту, послушницы записывали, куратор, кажется, скучал. Периодически он прогуливался между рядами, поглядывая в наши записи и нервируя этим воспитанниц. Мне уже начало казаться, что он просто развлекается, наблюдая, как при его приближении руки учениц начинают мелко дрожать, а жирные кляксы украшают тетради и поверхность стола.

Сама я твердо решила, что не доставлю ему такого удовольствия. Поэтому, когда лорд остановился за моим плечом, нахально через него заглядывая, я не подала виду, что заметила это. Хотя не почувствовать шевелящего волосы дыхания над ухом было весьма сложно, даже при моей извечной рассеянности.

Я сосредоточенно писала, куратор так же сосредоточенно сопел мне в затылок.

Нет, все-таки это невыносимо!

Не выдержав, я резко обернулась, почти уткнувшись носом в его лицо. Зеленые глаза с прищуром скептически меня рассматривали. Я насупилась и уставилась на него. Лорд хмыкнул, разогнулся и, чуть ли не насвистывая, пошел по проходу.

А я мрачно обозревала огромную кляксу, украсившую мои записи.

Мистрис Бронегода, ожидавшая окончания занятия не меньше меня, раздала нам задания для самостоятельной подготовки и с радостным вздохом отпустила. Послушницы потянулись к выходу, бросая на куратора кокетливые взгляды. Он же даже не смотрел в нашу сторону, напряженно застыл возле окна и глядя в даль.

Однако, когда я торопливо собрала тетради и пошла к двери, лорд Даррелл очнулся от созерцания окрестностей и, в два шага догнав меня, преградил мне дорогу.

– Госпожа Белогорская, – я удивленно воззрилась на него.

Послушниц не принято так называть, большинство из нас не высокого сословия. Та же Ксения родилась в простой деревенской семье, как и многие девочки здесь. У богатых и состо-

ятельных обычно находились родственники, способные присмотреть за осиротевшим дитятей, а заодно и за оставшимся ему наследством. К нам обращались просто по имени, а после посвящения к имени добавлялось звание «просветительница» или «настоятельница» в зависимости от выбранного пути. Неужели лорд не знает об этом?

– К послушницам не обращаются «госпожа», – брякнула я.

Куратор посмотрел задумчиво

– Ну что ж, Ветряна... Ведь так вас зовут? Я хотел бы попросить показать мне Риверстейн. Вас это не затруднит? Так сказать, на правах старожила этого прекрасного заведения!

Мне снова показалось, что он насмехается. Но лицо лорда было на редкость серьезным. Тут до меня дошло, о чем он меня просит. Просит, ха! Подобные ему только приказывают, даже если и облачают свои слова в просительную форму.

Я растерялась, не зная, что сказать. К счастью, вмешалась мистрис Бронегода.

– Лорд Даррелл, прошу прощения, но я не думаю, что это...

– Прощаю, мистрис Бронегода, – серьезно ответил ей куратор и отступил, весьма красноречиво пропуская меня вперед. Мне ничего не оставалось, как выйти за дверь в сопровождении лорда, оставив позади озадаченную настоятельницу.

В коридоре я остановилась в нерешительности.

– Какую часть здания вы бы хотели осмотреть, лорд Даррелл? – спросила я, не поднимая глаз.

– Шайдер.

– Что, простите?

– Меня зовут Шайдер.

Я упрямо выпятила подбородок.

– И все же... Так какую часть Риверстейна вам показать, Лорд Даррелл?

Лорд улыбнулся. Меня в дрожь бросило. И, к сожалению, от страха.

– На ваше усмотрение, Ветряна. Хотя, думаю, мы начнем с западного крыла.

Я пораженно вскинулась.

– Но, лорд Даррелл, западное крыло сейчас заброшено, все жилые помещения, трапезная и ученическая расположены в восточном крыле!

– Вот и замечательно! – неведомо чему обрадовался куратор и уверенно пошел в сторону заброшенного крыла, оставляя меня плестись сзади. Непонятно, кто кому показывает приют! Сдается мне, мужчина и без меня прекрасно здесь ориентируется, по крайней мере, до левого ответвления прошагал, ни разу не сбившись. А ведь темные коридоры приюта весьма запутанны!

Западный холл встретил нас пылью и кое-где паутиной. Сквозь давно не мытые окошки робко сочился дневной свет, ложась на пол желтыми дрожащими квадратами. Я пару раз чихнула, вытерла нос и боязливо застыла, озираясь. То, что осматривать здесь решительно нечего, было ясно еще в коридоре.

Лорд важно прошелся по холлу, оставляя в пыли четкие отпечатки своих сапог.

– Здесь слегка... неубрано, – извиняющимся тоном сказала я.

– Да, я заметил, – куратор резко повернулся. Я подавила в себе желание отшатнуться. Нервничала я все сильнее. Зачем мы пришли сюда? Станный он, этот лорд.

– Может, нам стоит вернуться? – сказала я. В гулкой пустоте холла мой голос прозвучал так жалобно, что стало стыдно. Ну что я, в самом деле! Не съест же он меня. И уж вряд ли позарится на мою девичью честь. В приюте полно более симпатичных объектов для страсти. К тому же более сговорчивых!

Я густо покраснела от этих мыслей. И покраснела еще больше, когда осознала, что лорд оторвался от созерцания развешенной по углам паутины и теперь очень внимательно рассмат-

ривает меня. И что самое противное, я уверена, он догадался по моему пунцовому лицу, о чем я подумала! И губы его дрогнули в насмешке. Ужасно стыдно!

Я закусила губу и вздернула подбородок. Не позволю над собою смеяться! Пусть он хоть трижды лорд и хоть четырежды столичный, а смеяться над собой не позволю!

Словно в ответ на мои мысли сквозняк вихрем пролетел по коридору и с размаха хлопнул дверью холла, взметнув облако пыли.

Я снова чихнула.

Куратор не сводил с меня глаз.

– Очень странно, – неожиданно пробормотал он.

– Что, простите? – со злостью спросила я и серьезно вознамерилась отсюда убраться.

Пусть сам тут красотами любитесь! Вот сейчас разворачиваюсь и...

– Ветряна, а расскажите о себе.

Такой простой вопрос остановил меня, когда я уже почти отвернулась.

– Что вы хотите узнать? – удивилась я.

– Все. Кто ваши родители?

– Я сирота, лорд Даррелл. Как и все в этом приюте.

– Да, понимаю. Где вы родились?

– Я не знаю, кто мои родители и откуда я, лорд Даррелл. Меня нашли настоятельницы у ворот Риверстейна тринадцать лет назад в одной холщовой рубашке и теплом платке. Никаких опознавательных гербов, знаков или надписей на одежде не было. По виду мне было около пяти лет. И так как в дальнейшем никто за мной так и не явился, я осталась жить в приюте. Мои воспоминания начинаются с Риверстейна. Так что, увы, я не могу просветить вас по этому вопросу.

Все это я оттарабанила сухо и равнодушно, не позволив даже малюсенькой эмоции пробиться в столь несодержательный рассказ. Надеюсь, это отобьет у него охоту приставать с расспросами.

Но, похоже, особым тактом лорд не отличался.

– И все тринадцать лет вы прожили здесь?

– Да, лорд Даррелл.

– А ваше имя? Кто назвал вас так?

Нет, он точно не в своем уме!

– Имя мне дали настоятельницы. Просто перечислили имена, пришедшие на ум, на это я откликнулась. Не понимаю, что здесь странного, – не сдержалась я. – Это имя не редкое в Приграничье. Как и фамилия.

– Да, конечно...

Лорд снова застыл, уставившись на меня. Мне показалось, что он что-то бормочет себе под нос. Святые старцы и Пресветлая Матерь! Точно не номальный! Чем еще объяснить столь пугающее поведение?

Я подозрительно уставилась на мужчину и осторожно отодвинулась от него. Так, на шагочек. Он и не заметил. Потом еще на один. И еще...

– Лорд Даррелл, вам дурно? – пискнула я. – Позвольте, я сбегаю за водичкой? Знаете, у нас очень хорошая водичка, родниковая, вам поможет...

Еще шагочек... Главное дойти до двери и выскочить в коридор, а там дам деру так, что и сам демон не догонит!

Двумя шагами мужчина догнал меня и почти весело сказал:

– Непременно попробую вашей целебной водички, Ветряна! Вот прямо сейчас и попробую! – и галантно распахнул передо мной дверь.

Обратный путь мы проделали в молчании. Мужчина о чем-то напряженно думал, а я мечтала скорее избавиться от его общества. В коридоре я облегченно вздохнула. Лорд Даррелл

же кивнул мне, пробормотал, что дальше найдет дорогу и сам, и быстро пошел в другую сторону. Я недоуменно посмотрела ему вслед и отправилась в трапезную. В конце концов, лорды – лордами, а обед по расписанию.

На трапезу я чуть не опоздала. Когда вошла, послушницы уже споро стучали ложками. Я приветливо кивнула раскрасневшейся Авдотье, но она словно не заметила. Кухарка сосредоточенно о чем-то думала, скользя невидящим взглядом по залу и теребя в руке холстину. Странно недоуменное выражение время от времени появлялось на ее лице, сменяясь столь же странной улыбкой.

Я не стала к ней подходить, бочком протиснулась за крайний столик, села. Еще раз покосилась на Авдотью. Та все так же улыбалась, рассматривая стену. Если так дальше пойдет, Риверстейн нужно будет переименовывать в «приют сказанных и стукнутых». В кого ни ткни, все не в себе!

Не удивительно, что нам и куратора подобного прислали, как говорится, свояк – свояка...

Недобрым словом помянутый, в дверях появился обозначенный лорд. За ним обезумевшими гарпиями неслись настоятельницы, что-то истоиво ему втолковывая и даже предпринимая попытки преградить лорду дорогу.

– Лорд Даррелл! – голосила Божена, – лорд Даррелл!!! Поверьте, вам совершенно не на что здесь смотреть!! Я вас уверяю! Все, абсолютно все предписания соблюдены...

– На втором этаже для вас накрыт замечательный обед... – вторила ей мистрис Бронегода.

– Вам совсем не место в общей трапезной, – шипела Гарпия.

Лорд лишь отмахивался от них, как от назойливых мух.

Явление столь живописной компании в дверях вызвало невольный кашель, охи и спазмы из-за не туда попавшей похлебки.

– Лорд Даррелл! – уже откровенно взвыла Божена. – Это невыносимое нарушение правил...

– В самом деле? Какие же правила я изволил нарушить, позвольте узнать? – мужчина так резко обернулся к ней, что Божена, по инерции несущаяся вперед, почти уткнулась носом ему в грудь. Сей возмутительный факт произвел на мистрис столь сокрушительное впечатление, что она замолкла. Или просто прикусила себе язык при столкновении.

– Но обедать в общей трапезной? Вместе с послушницами? Это... невообразимо! – яростно пришла на выручку Божене Гарпия. Остальные настоятельницы истоиво закивали головами.

Лорд задумался. Настоятельницы затихли в ожидании. Послушницы сидели, вытаращив глаза. Из рук кого-то из младших девочек с глухим стуком выпала ложка. Все вздрогнули.

– Насколько я помню, его величество наследный король Северного Королевства Амарон дал мне право на беспрепятственное нахождение в любом месте Риверстейна, в любое время. А так же, право на принятие любых решений и действий, которые я сочту необходимыми, – меланхолично процитировал лорд Даррелл. Мы дружно ахнули. По сути, король передал лорду право на владение Риверстейном вместе со всеми его обитателями. То-то наши настоятельницы так переполошились.

– Так какое именно правило я нарушил, уважаемые мистрис?

Настоятельницы слажено побледнели. Возразить было нечего.

– Но... эээ...

– Кстати, – мужчина повел носом, как большой пес, – а чем это, простите, здесь так... воняет?

И повернулся к нам. Я пожалела, что уселась со своим обедом за крайний стол. Лорд подозрительно осмотрел содержимое моей тарелки, отобрал у меня ложку, беззастенчиво помешал, наблюдая редкие всплывающие на поверхность куски, и недоуменно спросил:

– Что это?

– Похлебка, лорд Даррелл, – смиренно ответила я.

– Да? А из чего она?

– Ээ... из каши, лорд Даррелл!

– Из каши, вот как. А что еще у вас сегодня на обед?

– Еще? – искренне удивилась я. – Ах да. Еще хлеб, конечно!

– И как? Вкусно?

В моем животе красноречиво заурчало, я покраснела, с жадностью поглядывая в тарелку. Чего он привязался? Вкусно, не вкусно... Какая разница, когда есть охота!

Мужчина покосился на мою краюху и выпрямился. Обернулся к настоятельницам. Лица его я не видела, но на мистрис оно, похоже, произвело неизгладимое впечатление.

– Авдотья! – заорала Гарпия. – Авдотья! Пойди сюда!

Бледная кухарка выскочила из своего угла, кося перепуганными глазами.

– Авдотья! Изволь объяснить, что ты сегодня приготовила на обед!

– Так все, как вы всегда велите, мистрис Карислава! Все как велите! Вот хлебушек ржаной, с отрубями, чуть подплесневел, но вы же сами запретили лошадке-то, сказали, стодится... И похлебочка вот с кашкой, кукурузная там, еще овсянки чуть, для сытости, и картоха, хоть вы и не велели, но больно девочки-то у нас тощие, уж простите дуру... не губите!

На лице ее застыло мученическое выражение и осознание собственного лихого бесчинства по добавлению в похлебку запрещенного картофеля.

Мистрис Карислава смотрела на кухарку с ненавистью, ее рука, привычно поигрывающая рукоятью хлыста, не сдержалась, замахнулась... и наткнулась на ладонь лорда Даррелла. То, что увидела в его лице Гарпия, заставило ее вздрогнуть и сжаться, как мышцы перед тигром.

– Только в скудости дух послушниц обретает чистоту и силу! – прошипела Гарпия

– Прошу за мной, – очень спокойно сказал мужчина, опуская руку. Так спокойно, что мистрис Бронегода собралась лишиться чувств. И пошел к выходу, бросив нам через плечо:

– Не расходиться.

Мы и не расходились. Застыли как изваяния на своих лавках, даже дышать боялись. Младшие девочки тоненько сопели носиками, не понимая, что происходит, и собираясь заплакать. И страшась, что их за это накажут. Авдотья наливалась краской в углу и нервно теребила свой фартук.

Я еще немножко подождала и, воровато оглянувшись, окунула ложку в похлебку. И вздохнула. Остыть успела, вот жалость.

Новое явление лорда и настоятельниц было еще более впечатляющим. Мужчина выглядел спокойным, даже расслабленным, а вот мистрис... Такой откровенной ненависти на лице Гарпии даже я никогда не видела! Да и на лицах остальных можно было наблюдать всю гамму отрицательных эмоций, от ошеломления и обиды до отчаянной ярости.

Но самое удивительное – это корзины в руках настоятельниц, от которых несло столь вкусным и аппетитным духом, что мой голодный живот скрутило в узел.

И с величайшим потрясением послушницы увидели, как на столах появились невиданные кушанья: толстые ломти желтого сыра, перевитые просаленной веревкой кольца колбас, шмат сала, завернутый в тонкий пергамент, моченые яблоки и хрустящие огурчики, холодная вареная картошка, куски запеченной оленины и что-то еще, и еще! Наше обалдевшее сознание просто не успевало это осмыслить! Мы застыли над яствами, не решаясь даже прикоснуться к такому изобилию.

Маленькие девочки не выдержали и все-таки заплакали, поглядывая на стол голодными глазенками и не понимая, можно ли есть, не влетит ли за это от настоятельниц. Лорд Даррелл посмотрел на плачущих, и те испуганно замолчали, как захлебнулись.

Со странным ожесточением свалив на блюдо яства из общей кучи, он поставил их перед зареванными девочками.

– Ешьте, сегодня обойдемся без горячего, – резко приказал он. И кивнул Авдотье: – Вы сумеете к вечеру приготовить полноценный ужин? Продукты вам предоставят.

– Конечно, господин! – кухарка смотрела на него во все глаза. Да и мы тоже. Лорд коротко кивнул, ни на кого не глядя бросил традиционное «приятной трапезы» и стремительно вышел.

Мы еще посмотрели ему вслед, но со стола пахло столь упоительно, что все лорды мира были в тот же миг забыты, и мы накинулись на еду. Мимоходом я порадовалась, что не успела набить живот похлебкой и посетовала, что не способна наесться на неделю вперед.

Глава 9

Я сидела в каморке травницы, с энтузиазмом рассказывая о произошедшем в трапезной. Ксения и Данина слаженно охали, блестя глазами, но не забывали уплетать принесенные мною вкусности.

– Да уж, отыграются на нас настоятельницы, когда лорд уберется из Риверстейна, – протянула Ксения. Она сконфужено посмотрела на жирные пальцы и, чуть поразмыслив, их облизала.

– А то, – согласно кивнула я. Восхитительно полный желудок отозвался блаженной сытостью. – Ну и ладно! Во-первых, это того стоит, а во-вторых...

Что во-вторых, я уточнять не стала. Данине знать о том не стоит, а подруга и так поняла. Неизвестно, что будет с нами дальше, туманность будущего не позволяла заглядывать далеко вперед.

От обильной еды Ксения покраснелась, глаза ее заблестели, и пугающая меня бледность почти покинула ее лицо. Я вздохнула с облегчением. Надеюсь, теперь выздоровление пойдет скорее. Еще какое-то время я развлекала их красочным рассказом, потом заметила, как слипаются у подружки веки, и она изо всех сил пытается подавить зевоту. Я засобиралась к выходу, Данина потянулась за мной.

– Какое счастье, что появился этот лорд, – тихо, косясь на кушетку, чтобы не разбудить спящую, сказала травница. – Теперь Ксения наверняка пойдет на поправку. А то никак болезнь ее отпускать не хочет. Послушай, Ветряна, а все хотела у тебя спросить...

Травница замаялась, а мне стало необъяснимо страшно. Страх накатил волной, сдавил горло, и я, позорно что-то пробормотав про занятия, сбежала из каморки. И только добежав до входной двери и почувствовав, что задыхаюсь, остановилась.

Голова тяжелая, тело гудит. В груди что-то ворочается, тянет, словно готовая выплеснуться лава. И тягостно от нее и маетно, и в то же время она дает странное ощущение наполненности, полноценности.

Не понимая, что со мной, я потянула на себя дверь и выскочила во двор. Как была, в платье, без кофуха и платка, в легких ботинках.

Яркий свет поначалу ослепил. После недавней непогоды над Риверстейном светило солнце, белый снежок припорошил землю покрывалом, и от того мир вокруг преобразился из серо-черного в серебряный. Я застыла в изумлении, а потом пошла вдоль стены здания, шурясь от солнца и снега.

Конечно, я быстро замерзла. Все-таки, глупостью с моей стороны было выскакать во двор, не одевшись. Вот свалюсь со студеной хворобой, будет мне наука. И чего я так испугалась, там, в каморке травницы? В самом деле... вопросов испугалась... Вопросы, на которые нет ответа, которые и озвучивать-то страшно. Даже самой себе.

Я задрожала. Налетевший ветерок ощутимо охлаждал шею, руки, норовил залезть под юбку. Я растерянно остановилась. Обернулась на здание приюта. Когда это я успела так далеко отойти? Вроде, только у стены была, а уже стою почти у каменной границы с лесом.

Риверстейн нависал темной громадой, в одном из окон я явственно увидела темную фигуру лорда. Кажется, он наблюдает за мной.

Захотелось спрятаться. Я завертела головой в поисках укрытия. И тут до меня донеслось слабое лошадиное ржание. Ну, конечно! Конюшня!

Я решительно развернулась и почти бегом бросилась в сторону звука.

В конюшне у нас жила старая пегая кобылка Марыся. Была она на хозяйстве: довести кого из настоятельниц до Пустоши, или дотащить из деревени обоз с провиантом. Кобылка была не строптивая, радостно брала из ладоней хлебушек, да и подгнившими яблоками не брезговала.

Конюшня встретила меня теплом и запахом лежалого сена. Марыся приветственно заржала, узнав меня, затыкалась мордой мне в бок в поисках угощения.

– Прости, – виновато сказала я. – Не думала тебя навещать, вот и не захватила ничего.

Кобыла недоверчиво косила глазом, не оставляя попыток что-нибудь найти в моем фартуке. За моей спиной раздалось требовательное ржание. Я изумленно обернулась и ахнула. Какой красавец! Конь – черный, блестящий, с гордо выгнутой шеей и высокомерным взглядом лиловых глаз. Да это же наверняка жеребец столичного лорда! Обычно Марыся коротала здесь время в гордом одиночестве.

Я несмело подошла к загончику, рассматривая животное.

– Не советую к нему подходить близко, – раздалось за моей спиной. – Кайрос не любит чужих.

Я испуганно обернулась. Он что, следит за мной?

– Но как... Как вы так быстро оказались здесь? – выдохнула я. – Я только что видела вас в окне второго этажа!

Лорд Даррелл невозмутимо пожал плечами.

– Вам показалось. Я был неподалеку.

Я подозрительно на него уставилась. Готова дать руку на отсечение, что видела его в том окне! Фигуру лорда ни с чьей не спутать, да и на зрение я не жалуюсь! Но как тогда он мог так скоро оказаться в конюшне? Со второго этажа на первый вела винтовая лестница в конце длинного коридора, потом еще надо пройти холл, обойти трапезную, дошагать до двери... И еще через весь двор до самой ограды, возле которой и расположились крытые загончики с лошадьми!

Даже если бегом бежать, так быстро не поспеть! Да и не бежал же он, в самом деле!

Лорд Даррелл, не обращая внимания на мое замешательство, подошел к жеребцу и похозяйски похлопал его по крупу. Конь одобрительно всхрапнул.

Я не удержалась, подошла поближе.

– Это имя, Кайрос, что-то означает?

– Это сочетание двух слов, – мужчина повернулся ко мне. – «Кай» – видеть, а «росс» – враг.

– Видящий врага? – удивилась я. – А почему вы его так назвали? И на каком это языке?

Лорд смотрел задумчиво.

– А знаете, – вдруг сказал он, – думаю, вы можете его погладить.

– Э-э-э, спасибо, не стоит!

Огромный черный жеребец, несмотря на всю его красоту, выглядел откровенно опасным. Да и косился на меня недовольно.

– А я думаю, стоит! – с энтузиазмом настаивал лорд Даррелл. – Ну же, Ветряна, неужели вы боитесь?

Еще как боюсь! Но признаваться в этом мне не хотелось.

– Просто я не очень люблю лошадей, – попыталась я увильнуть. – Да и потом, я уже спешу...

– Бросьте, куда вам спешить! – лорд совершенно недвусмысленно преградил мне дорогу. – Погладьте этого коня!

Я уставилась на него скептически. Определенно, столичный куратор – сумасшедший. И дернула же меня нечисть зайти в конюшню! Поглажу его страшного коня, только чтобы лорд от меня отвязался!

Нерешительно шагнула к загончику. Кайрос недоверчиво осматривал меня черно-лиловыми глазами. Я посмотрела на него, вздохнула и осторожно провела ладонью по шелковой шее. Конь удивленно всхрапнул и потянулся к моей руке, явно намекая, что и между ушами не мешало бы почесать!

Я почесала. Все-таки, какое замечательное животное! И лошадей я люблю, так, приврала от испуга.

– Красавец, – зашептала я жеребцу, – замечательный, чудесный конь!

Кайрос соглашался, не забывая подставлять голову. Марыся ревниво заржала из своего загончика. Лорд издал странный звук, словно подавился. Я встрепенулась и обернулась к нему

– Отличный конь, – искренне сказала я. Лорд не сводил с меня глаз и что-то шептал себе под нос.

Святые старцы! Опять!

– Да что вы там постоянно бормочете? – не сдержалась я и охнула от собственной дерзости. Понятно, что скаженный, но ведь лорд же! Размажет по стеночке и не поморщится!

Но бормотать лорд перестал. Только рассматривал меня, прищурившись. И неожиданно рассмеялся. Я даже опешила, не зная, как на это реагировать.

– Ветряна, а не хотите ли прокатиться? На Кайросе?

– Я? Прокатиться? Ой... нет! Да и потом, я... не умею!

– Я буду вас держать! – с энтузиазмом откликнулся он, уже запрягая жеребца.

– Лорд Даррелл! – в отчаянье сказала я. – Но я даже не взяла с собой кожух!

– Я дам вам свой плащ, – «обрадовал» меня куратор. Я обессиленно привалилась к стеночке и с горечью подумала, что с распоряжения короля этот наглый хлыщ теперь в Риверстейне – повелитель, его слово – закон, и даже если лорд решит по-тихому закопать меня в песочке, никто в мою защиту и звука не издаст.

Мужчина оглянулся на меня, помедлив. Потом решительно качнул головой, молча укутал меня в свой меховой плащ и запрыгнул в седло. И рывком усадил меня перед собой, я даже пискнуть не успела. Застоявшийся конь коротко всхрапнул и вылетел из конюшни.

...Как же упоительно чувство полета! Я потеряла счет времени, не понимала где мы, что-то мощное и сильное билось во мне, отчего хотелось смеяться и плакать одновременно!

Мой первый испуг, когда конь перемахнул через ограду и оказался на заснеженной дороге, набирая скорость, быстро прошел. Жеребец не бежал – летел, с легкостью перемахивая через валуны и кусты, его копыта, казалось, даже не проваливаются в снег и не оставляют следов. Мы свернули с основной дороги и теперь неслись мимо темных вековых сосен, шпильями стоящих справа, и заснеженным полем с торчащей из снега засохшей осокой – слева.

Не знаю, в какой момент я засмеялась. Радость, захлестнувшая меня, была столь острой и живой! Я чувствовала сильные мышцы животного под моими ногами, его дыхание, паром вырывающееся из черных ноздрей, и мне хотелось, чтобы он скакал еще быстрее, еще мощнее, еще сокрушительнее! И конь отзывался, словно чувствуя мои желания.

Непередаваемое, восхитительное чувство полета!

Словно вихрь, мы промчались по кромке поля, и когда лорд натянул поводья, останавливая Кайроса, я разочаровано вздохнула.

Лорд спешился и протянул мне руку. Совершенно чумная от охвативших меня во время скачки чувств, я неловко съехала с коня, и лишь в последней момент ухватила за луку седла, чтобы не упасть.

– Спасибо, – радостно выдохнула я в лицо мужчине. – Это было чудесно!

Лорд ответил мне столь яростным взглядом, что я отшатнулась.

– Как ты это сделала? – зло бросил он. – Что ты сделали с моим конем? Кто ты такая, нечисть тебя забери??

Я задохнулась.

– Что вы такое говорите? Лорд Даррелл, вы сами усадили меня на Кайроса! И сами требовали его погладить! Я бы и близко к нему не подошла! Не понимаю, в чем вы меня обвиняете!

Зеленые глаза лорда стали бешеными.

– Кайрос никогда, слышишь, никогда не позволит прикоснуться к себе... таким как ты! И тем более, не станет так... подчиняться!

Таким как я? Это каким же, интересно?! Нищим да убогим?

– Конечно, нищая сирота не чета... вашему коню! – уязвленно сказала я. – Ну что же, я понимаю! Не премину тотчас же перед ним извиниться! – и, взмахнув юбкой, я склонилась перед ошарашенно косящим на меня жеребцом в глубоком реверансе: – Глубокоуважаемый Кайрос, низжайше прошу вас простить мою недостойную персону за невольно нанесенное вам оскорбление в виде моей убогой особы на вашем высокородном крупе! Поверьте, больше подобная гнусность не повторится!

Конь осторожно от меня отодвинулся.

У лорда отвисла челюсть.

– Что это за балаган? – заорал он.

Да понимаете, как хотите! Балаган так балаган! Я развернулась и потопала по снегу к темнеющему вдали приюту. Потом спохватилась, вернулась, развязала дрожащими пальцами тесемки плаща, перекинула его через седло и снова пошла к приюту. Как я прошагаю такое расстояние в одном платье и легких ботиночках, я не думала. Злые слезы сдавливали горло, струились по щекам и кололись, прихваченные морозом. Я не чувствовала их, только терла ладонью глаза, потому что туман мешал смотреть.

– Подожди, Ветряна!

Я даже не подумала обернуться. Лучше окоченею по дороге, но обратно не пойду!

– Да стой же!

Сильные пальцы легли на плечо, и что-то натянутое, как тетива, лопнуло в груди. Я ощутила толчок воздуха, словно от хлопнувшей на сквозняке двери, и обернулась. Лорд Даррелл лежал на спине в пяти саженях от меня. Я злорадно усмехнулась. Поскользнулся! Так ему и надо.

Одним рывком лорд перевернулся и вскочил на ноги, недоуменно глядя на меня. Я, мрачно, на него.

И тут навалилась усталость. Так сильно, что я не удержалась, села с размаха в снег. Ноги дрожали, во рту пересохло, слабость волной прошла по телу, делая его непослушным, ватным. И пить так хочется...

Я потянулась к снегу, зачерпнула пригоршню. В холодных моих ладонях он даже не таял. Лизнула. Хо-о-олодно. Не заметила, как мужчина подошел ко мне, присел на корточки, внимательно заглядывая в лицо.

– Встать сможешь? – хмуро спросил он.

Я неуверенно кивнула и, игнорируя его руку, медленно поднялась. Лорд тихо свистнул, и тут же рядом оказался жеребец, приплясывая от нетерпения. Когда меня усадили в седло, я не нашла в себе сил возражать. Мне было так плохо, что единственное, о чем я могла думать, – это как бы не вывалиться из седла. Никакой радости от обратной дороги я не испытала.

К счастью, доехали мы быстро. Уже на подъезде к приюту мне стало легче. Даже способность размышлять вернулась. И я задумалась, как это лорд так поскользнулся, что отлетел от меня на добрых пять саженей?

Ничтоже сумняшеся, я ему этот вопрос и озвучила. Мужчина поперхнулся.

– Ты что, издеваешься?

– Я просто спросила, – протянула я и бочком, быстренько выскочила из конюшни. Взгляд лорда, которым он одарил меня напоследок, мне очень не понравился.

В своей комнате я медленно сжевала кусок черного хлеба с сыром, который предусмотрительно там припрятала. Про мое возвращение в общую спальню, вроде как, забыли, а я не торопилась напоминать. Одиночество меня не страшило, а даже если бы и страшило, я все равно

предпочла бы его обществу таких, как Рогнеда. Хвала Пресветлой Матери, лорду Дарреллу хватила ума не скакать на своем жеребце через центральные ворота, а проехать в обход! Я представила, как появляюсь, укутанная в дорожный меховой плащ куратора, а он сзади почти обнимает меня, и горячая краска стыда залила лицо. Если кто-нибудь это видел... Позор-то какой! Да меня живьем съедят и косточки обглодают!

Потом вспомнила, как хохотала, прижимаясь к нему спиной для равновесия и тепла, и мне совсем худо стало! О чем я только думала!

Однако лорд удивительно хорошо осведомлен о тайных тропах и разрушенных местах в кладке ограды. Это странно. Может, он бывал в этих краях раньше?

Я вспомнила, как уверенно он несся через поле, а ведь места у нас дикие, северные. И болот полно и озер с темной, непроницаемой водой и глубокими омутами. Бывающие здесь чужаки с основной дороги никогда не съезжают, тем паче зимой, когда коварный снежок приметает топи и озерца, в которых столь легко сгинуть.

И все же... Как он так далеко отлетел?

От еды полегчало, хоть и присутствовала во мне еще дрожащая слабость.

Но нужно идти на вечерние занятия. Обозленные настоятельницы только и ждут на ком отыграться, так что опаздывать не стоит.

Остаток дня прошел как в тумане. Я безучастно отсидела на занятиях, что-то бездумно записывая, заглянула к Ксене, которая снова спала, посидела в часовне. Данила снова не пришел. Сегодня я этому даже обрадовалась. Вести изматывающие разговоры сил не было.

Даже удивительный ужин: рассыпчатая картошка, запеченная рыба и сладкий травяной настой с медовой булкой – я просто молча съела, не присоединяясь ко всеобщему ликованию. И, наскоро обмывшись холодной водой, я натянула длиннополую холщовую рубашку и залезла под одеяло. Даже если сегодня вернется Зов, никуда не пойду, – мрачно решила я. Потому что сил нет.

И уснула, не успев додумать. А среди ночи проснулась, как от толчка.

Открыла глаза, пытаюсь сообразить, что меня разбудило. Сонно потерла лицо, села, оглядываясь. Тихо. Лунный свет спокойно струится сквозь цветное окошко, длинные косые тени пересекают комнату клиньями тьмы. И одна из теней живая. Он стоит в ней, он часть ее, или она – часть него... Сильное тело скрыто черной одеждой, темные волосы, темные глаза так внимательно меня разглядывают. Я чувствую этот взгляд, как прикосновение.

Хочется закричать, но он не позволяет. Не двигается, молчит, но я вся словно скована его властью и не могу послушаться. Боль в руке обжигает. Даже не глядя, я чувствую, как горит у локтя метка Аргарда.

Внутри растет тянущая и сладостная боль, я не понимаю, что со мной, мне страшно... Или нет? Не знаю.

Арххаррион.

Странное имя демона так непривычно человеческому уху, неудобно языку. И только в мысли ложится, как в собственную сущность, проскальзывает, словно клинок в выточенные для него ножны.

Он делает шаг и замирает у моей кровати. Так близко. Слишком близко. Темные нечеловеческие глаза скользят по моему лицу, шее, ключицам. В его взгляде появляется что-то новое, обжигающе горячее, пугающее меня настолько, что я вздрагиваю.

Моргаю и пропускаю мгновение, когда он уходит, когда тень становится только тенью – неживой, мертвой. Я чувствую облегчение. И пустоту.

Проснулась я совершенно разбитая. Пару мгновений лежала, тупо разглядывая серый потолок в паутине трещин. Вспомнила, глухо вскрикнула, вскочила.

Конечно, в комнате пусто. Солнце только восходит, бледные лучи его несмело освещают комнату. Я поднесла к глазам руку: тусклая спиралька на пальце, у локтя с внутренней стороны четкий красный след, как от раскаленного прута. И снова в груди тугой комок маеты, свернувшийся и болезненный. Словно нужно что-то сделать, куда-то идти, а куда – не помню. И оттого так мучительно и тревожно.

Я поднялась с постели, ежась от холода. Накинула на плечи старый платок и выскользнула в коридор, решив, раз уж проснулась, воспользоваться комнатой омовений не в привычной утренней толкотне.

Узкий коридор тонул во тьме. Редкие настенные светильники слабыми своими огоньками словно призваны были не разгонять мрак, а подчеркивать его превосходство над светом. Зябко обхватив плечи руками, я прошагала до конца узкой комнатки с кадушками воды. Умыться не хотелось, да что там, даже платок снимать было боязно, но я себя пересилила. Побрызгала в лицо холодной водой, наскоро обтерла тело мокрой тряпицей, ощутило стуча зубами. Зато без сутолоки, утешила я себя. Холстины на притолоке оказались сырыми, не успели за ночь просохнуть, и вытираться ими было неприятно. Да и толку от них мало, но я упрямо вытерлась и влезла в свою рубашку. И с облегчением завернулась в платок.

И почувствовала холодок на затылке, словно сквозняк. Зябко передернув плечами, я обернулась и вздрогнула. В тонком рассветном луче света стояла прошлогодняя утопленница Златоцвета. Стояла и смотрела на мои утренние омовения застывшим, ничего не выражающим взглядом. Хотелось заорать, но вовремя пришла на память Рогнеда с ее перекошенным лицом и блуждающими глазами, и я сдержалась.

Утопленница молчала. Стройное тело ее в летнем платье слабо колыхалось, словно окутанное водяной пленкой, и от того казалось, что по лицу и телу ее идет рябь, как на озере под порывами ветра. Тонкие губы чуть приоткрыты, и что-то черное ворочается внутри, пытаюсь выбраться наружу. Глаза белесые, невидящие, как у мертвой рыбы, и взгляд этих глаз вызывает зловещую оторопь.

Я сглотнула подступившую к горлу желчь и, пересилив себя, осторожно сделала шаг. Не к двери. К утопленнице. Вернее, к ее духу. Потому что девушка была прозрачна и текуча, как озерная вода.

– Златоцвета, – тихо позвала я. – Злата... Зачем ты здесь? Зачем приходишь? Ты можешь сказать?

Прозрачное лицо чуть повернулось, мертвые глаза посмотрели на меня. Я снова сглотнула.

– Ветряна... – голос шелестит волной по прибрежной гальке

– Зачем ты вернулась сюда? – настойчиво спросила я.

– Зачем? – утопленница удивилась. – Я забыла украшение... А дверь была открыта. Забрать... Надо забрать...

– Какая дверь?

– Дверь... с той стороны, – плеск волн затихает. – С той стороны...

– Почему она открылась, – в отчаяние я уже почти кричу, – ты знаешь?

– Ее открыли...

– Кто? Кто ее открыл?

По девушке снова идет рябь, и в то же время она тускнеет, пропадает. Тонкие губы чуть удивленно улыбаются.

– Ты... ты, Ветряна...

Я замерла, потом резко схватила утопленницу за рукав, пытаюсь удержать. Мои пальцы прошли сквозь воду, оставшись сухими. Призрак тоненько засмеялся, заколыхался, как подводная водоросль, и пропал.

Я недоуменно посмотрела на свою ладонь, задумчиво ополоснула ее в кадучке и поплелась к двери. Похоже, помыться в одиночестве – было не такой уж хорошей идеей.

Поразмыслить над происходящим не удалось. Едва я успела войти в свою комнату, над Риверстейном разнесся звук утреннего колокола, возвещающая начало нового дня. Почти сразу коридор огласился визгливыми криками Гарпии, выдергивающими послушниц из сладких объятий сна. Я не стала дожидаться, когда мистрис пожалует ко мне, торопливо оделась, заплела косу и понеслась к лестнице на первый этаж.

За мной потянулись заспанные послушницы. Судя по лицам и скорости, с которой они оказались в холле, многие решили пренебречь утренними омовениями. И правильно сделали, кстати.

Я мрачно прислушалась к разговорам. Может, не только я с утра пообщалась с миром теней? Но ничего странного не услышала. Главными темами обсуждений были куратор, что неудивительно, и предстоящий завтрак, который вызвал горячие споры. Воспитанницы разделились на две стороны: первые хмуро предрекали окончание небывалого трапезного благоденствия и сулили нам сегодня привычный скудный стол. Мол, быть не может, чтобы щедрость столичного лорда продержалась дольше одного дня. Вторые – в основном те, кто поглупее и помладше, яростно защищали своего кумира и в качестве доводов приводили долетающие из трапезной запахи. И строили предположения одно другого невероятнее, чем именно так аппетитно пахло. Перечислялись и жареные рябчики, и сладкие пироги, и запеченные с грибами рыба и морские гады. Оставалось только поражаться невероятной гастрономической фантазии послушниц, которые сроду не только не ели, но и не нюхали ничего из перечисленного.

Мистрис Карислава своим появлением остановила горячие споры и неумные измышления. Мигом растеряв запал и зябко поеживаясь, послушницы построились на пробежку.

Стылый двор Риверстейна встретил нас неласково. Тонкий снежок припорошил обледневшие камни брусчатки, подошвы ботинок скользили по ним, как по ледяному озеру. На первом же круге с десятков послушниц упали. Я устояла, но бежавшая передо мной Полада пошатнулась, взмахнула нелепо руками, словно подстреленная птица, и завалилась назад, увлекая меня за собой. Мы рухнули на камни, ободранные ладони засочились кровью.

– Встать! – тут же заорала над ухом Гарпия, угрожающе просвистел хлыст, и икры обожгло болью. Я подскочила, поднимаясь. Полада дернулась в сторону, мазнула по мне ботинком, мешая встать и лишая равновесия, и я снова растянулась, уткнувшись носом в снег.

Хлыст радостно рассек воздух и... завис, так и не опустившись.

Я украдкой повернула голову, не зная вставать или лучше не двигаться. Взгляд уперся в высокие сапоги из черной кожи, потом в бедра, обтянутые брюками, простую коричневую рубашку и... зеленые глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.